УЧЕБНИКЪ

ЭЛЕМЕНТАРНОЙ ЛОГИКИ И СТИЛИСТИКИ,

составленный

преподавателемъ 2-й московской гимназіи,

Н. Завьяловымъ,

на основаніи программы Мин. Нар. Просвѣщенія, для среднихъ учебныхъ заведеній.

ИЗДАНІЕ МОСКОВСКОЙ ДѢТСКОЙ И ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ БИБЛІОТЕКИ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

ЗНАЧИТЕЛЬНО ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ.

МОСКВА.
Типографія и Литографія А. Торлецкаго и М. Терехова,
Моховая ул., д. Торлецкой.
1876.

Дозволено цензурою. Москва, Октября 23 дня 1875 г.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

«Какими бы опредѣленіями ни обозначался нормальный объемъ учебнаго предмета, какія бы выраженія ни употреблялись для указанія границъ, изъ которыхъ не должно выступать преподаваніе,— все это не устранитъ вполнѣ тѣхъ распространеній и уклоненій въ сторону, которыя происходятъ отъ разныхъ причинъ: или отъ самаго предмета, не установленнаго еще въ положительныхъ предѣлахъ, или отъ произвола и особыхъ взглядовъ преподавателей, или отъ относительнаго значенія выраженій *краткій, необходимый, самонужнѣйшій*, получающихъ въ толкованіи каждаго разные размѣры, весьма часто болѣе широкіе, чѣмъ разумѣла программа или инструкція. Для избѣжанія подобныхъ неудобствъ, лучшимъ, даже единственнымъ средствомъ послужилъ бы учебникъ, который содержалъ бы въ себѣ краткое и точное изложеніе теоретическихъ положеній, входившихъ и теперь еще входящихъ частію въ стилистику, частію въ риторику и піитику. Въ немъ же могли бы найти себѣ мѣсто и элементарныя логическія свѣдѣнія, преимущественно нужныя для разбора разсужденій» ..... (Сборн. постановленій и распоряженій по гимн. и прогим. вѣдомства М. Н. Пр.)

УЧЕБНАЯ СТИЛИСТИКА.

§ 1. Языкъ есть одно изъ средствъ, [1]) дарованныхъ человѣку и служащихъ для выраженія его духа [2]).

§ 2. Элементъ языка есть слово, какъ выраженіе отдѣльнаго понятія или отношеній между ними въ соотвѣтствующей формѣ. Соединенію понятій въ цѣлую мысль соотвѣтствуетъ соединеніе словъ въ цѣлую *рѣчь*.

§ 3. Изъ сказаннаго очевидно, что между понятіемъ и мыслью, съ одной стороны—и словомъ и рѣчью, съ другой—должно быть строгое *соотвѣтствіе*; другими словами: слово и рѣчь должны относиться къ понятію и мысли,—какъ тѣло относится къ духу.

§ 4. Цѣль стилистики—указать тѣ законы и правила, при

---

[1]) Кромѣ *языка*, духъ для своего выраженія пользуется также *звукомъ* и *образомъ*.

[2]) Главнѣйшія силы нашего духа суть: умъ, чувство и воля. *Слово* есть та форма, которая сосредоточиваетъ въ себѣ выраженіе каждой изъ трехъ элементарныхъ силъ духа. Въ самомъ дѣлѣ, какъ увидимъ далѣе, элементъ чувства играетъ особенно важную роль при *образованіи* слова, элементъ мысли при его *измѣненіи*, а элементъ воли при его *употребленіи*, т. е. въ практикѣ языка. Притомъ каждый изъ названныхъ элементовъ присутствуетъ въ словѣ всегда, хотя въ разное время можетъ преимущественно обнаруживаться тотъ, или другой, или третій. Такимъ образомъ слово представляетъ *органическое единство* мысли, чувства и воли.

помощи которыхъ достигается такое возможно-полное соотвѣтствіе.

§ 5. Способъ, которымъ стилистика добываетъ эти законы и правила, состоитъ главнѣйшимъ образомъ въ наблюденіи и изученіи тѣхъ способовъ и свойствъ языка и рѣчи, которые представляются въ лучшихъ произведеніяхъ, какъ народныхъ, такъ и искусственныхъ,—а также и тѣхъ, которые усматриваются въ живомъ употребленіи языка. Основою, при которой наблюденіе надъ свойствами языка можетъ привести къ правильнымъ заключеніямъ, служитъ *грамматика*: такимъ образомъ безъ грамматики не мыслима и стилистика.

§ 6. Какъ ни велика однако связь между грамматикою и стилистикою, послѣдняя вправѣ составить отдѣльную, *самостоятельную науку* въ языкоученіи. Различіе грамматики отъ стилистики существенно состоитъ въ слѣдующемъ: первая разсматриваетъ законы языка, по скольку языкъ представляется уже готовымъ даннымъ, тѣмъ естественнымъ даромъ, которымъ Творецъ отличилъ человѣка отъ прочихъ животныхъ: образованіе и измѣненіе словъ составляютъ для изучающаго такой же объектъ, какой для естествоиспытателя—составляютъ камень, растеніе, законы ихъ образованія, ихъ развитія въ зависимости отъ почвы, атмосферы и т. д. [3]) Изучающій грамматику языка имѣетъ цѣлію *знаніе* языка. Стилистика также разсматриваетъ законы языка, но по стольку, по скольку языкъ представляетъ тѣ *средства*, которыя находятся въ его распоряженіи для выраженія мысли, чувства или желанія,—и отъ приличнаго выбора которыхъ зависитъ болѣе или менѣе успѣшное достиженіе цѣли. Выборъ предполагаетъ *произволъ*, который и отличаетъ въ данномъ случаѣ грамматическое изученіе отъ стилистическаго. Изучающій стилистику языка имѣетъ цѣлію—*умѣнье употреблять* языкъ. Грамматика главнѣйше имѣетъ въ виду—*теорію* языка, стилистика—его *практику* [4]). Сказанное пояснимъ примѣромъ: положимъ, я имѣю въ виду выразить ту мысль, что „природа имѣетъ благодѣтельное вліяніе на человѣка.“ Матеріалъ этого предложенія, т. е. слова, составляющія данныя понятія, принадлежатъ лексикографіи языка, въ образованіи ихъ нѣтъ моего произвола. Соединеніе этихъ словъ въ цѣлое предложеніе также подчиняется законамъ, отъ меня независящимъ, т. е. законамъ согласованія и управленія, законамъ склоненія и спряженія; до сихъ поръ—область грамматики.—Но выборъ словъ зависитъ уже отъ моего произвола, ибо ту же мысль я могу выразить и въ иной формѣ; я напр. могу сказать „природа оказываетъ благодѣтельное вліяніе на человѣка“,—или: „природа дѣйствуетъ на человѣка благодѣтельно“,—или: „человѣкъ находится подъ благодѣтельнымъ вліяніемъ природы“, или: „человѣкъ чувствуетъ на себѣ благодѣтельное вліяніе природы“ и т. д. и т. д. Словомъ, выборъ и расположеніе словъ зависятъ отъ моего произвола, т. е. изъ богатой сокровищницы языка я имѣю возможность и право—выбрать тѣ или другія слова, тѣ или другіе обороты и формы рѣчи, которые, по моему, лучше выразятъ мою мысль. Здѣсь область стилистики.

§ 7. Дадимъ же теперь опредѣленіе стилистики, какъ науки: *Стилистика* есть наука, которая, при помощи изученія

---

[3]) Синтаксисъ не составляетъ въ этомъ случаѣ исключенія: хотя эта часть грамматики и занимается законами соединенія словъ въ предложеніе, но самые законы представляются также данными, служащими для знанія языка и, до извѣстной степени, необъяснимыми. Таково, напримѣръ, употребленіе тѣхъ или другихъ падежей, тѣхъ или другихъ предлоговъ и проч. Нужно знать, но нельзя объяснить, почему напримѣръ praeficere сочиняется съ дат. п. а начальствовать съ твор. и предлогомъ *надъ*, почему лат. языку свойственно Abl. absolut. греческому—gen. absol. а славянск. Dat. absolutus.

[4]) Для большей легкости можно употребить слѣдующее сравненіе: иное дѣло — *знать* законы и постановленія государственныя, иное дѣло—*умѣть ими пользоваться* въ судопроизводствѣ или администраціи: прекрасный законовѣдъ можетъ быть плохимъ адвокатомъ, и наоборотъ.

языка—какъ въ лучшихъ его литературныхъ представителяхъ, такъ и въ живой рѣчи, учитъ вполнѣ правильно и цѣлесообразно пользоваться его средствами для выраженія всѣхъ потребностей человѣческаго духа [5]). Сказать короче: стилистика есть наука выражаться, наука *о слогѣ*.

§ 8. Но уже изъ даннаго опредѣленія стилистики слѣдуетъ, что цѣлью какого бы то ни было выраженія, или рѣчи служитъ—*мысль*: мысль есть то, что рѣчью выражается. Слѣдовательно, всякое выраженіе, всякая рѣчь необходимо предполагаетъ двѣ стороны: а) *внутреннюю*, или сторону мысли (иначе логическую) и в) *внѣшнюю*, или сторону слова (иначе стилистическую, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова). Соотвѣтственно этому дѣленію и стилистика распадается на двѣ части; 1) ученіе о внутренней сторонѣ, или элементарную логику и 2) ученіе о внѣшней ея сторонѣ, или собственно стилистику.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Элементарная логика).

§ 9. Первоначальнымъ источникомъ нашего познанія служитъ воспріятіе, т. е. такое дѣйствіе нашего духа, которое, помощію чувства, знакомится—какъ съ предметами видимаго міра, такъ и съ собственными своими состояніями. Подъ словомъ чувство слѣдуетъ разумѣть не только такъ называемыя 5 чувствъ: зрѣніе, слухъ, обоняніе, вкусъ и осязаніе, но и то внутреннее самоощущеніе, по которому каждый изъ насъ узнаетъ собственное свое состояніе: хорошо ли ему, или дурно,—весело или скучно и т. д.

---

5) Выраженія *я хочу ѣсть*, или *дайте мнѣ хлѣба*—не противорѣчитъ данному опредѣленію, ибо всякая потребность, хотя бы и чисто физическая, выраженная *словесно* и слѣд. ставшая формою нашего сознанія, этимъ самымъ уже относится къ духовной области человѣка.

§ 10. Слѣдъ, который остается въ душѣ послѣ воспріятія,—есть *представленіе*. Слѣдовательно, представленіе относится къ воспріятію, какъ слѣдствіе къ причинѣ. Напримѣръ, я могу себѣ представить орла, потому что я его видѣлъ. Второе предложеніе заключаетъ въ себѣ мысль о воспріятіи, т. е. о томъ, что орелъ своимъ видомъ, цвѣтомъ, величиной и т. д. произвелъ на мои чувства впечатлѣніе; я *воспріялъ* видъ орла—вслѣдствіе этого могу его себѣ *представить*. Помощію такого-то воспріятія мы получаемъ представленія, или первоначальныя понятія о *времени*, *мѣстѣ*, *величинѣ*, *силѣ*, —словомъ, такія понятія, которыя могутъ быть названы *элементарными*, которыя становятся какъ бы прирожденными и играютъ въ логикѣ ту же роль, какую въ геометріи—*аксіомы*. Существенное отличіе такихъ понятій состоитъ въ томъ, что они образуются въ насъ гораздо прежде, чѣмъ получаемъ мы способность *судить*.

§ 11. Но представленіе, строго говоря, не есть еще *понятіе*. Представленіе есть только частное, такъ сказать, изображеніе въ душѣ нашей извѣстнаго предмета: рѣдкій ребенокъ, видѣвшій орла, не можетъ его себѣ представить; однако рѣдкій ребенокъ въ состояніи послѣ этого составить себѣ понятіе о томъ, *что такое* орелъ вообще. Это *что такое* и составляетъ собственно сущность истиннаго понятія.

§ 12. Переходъ отъ представленія къ понятію составляетъ естественный и необходимый шагъ всякаго здороваго мышленія. Если, помощію воспріятія, я могу ясно представить себѣ тотъ или другой предметъ,—то совершенно естественно затѣмъ мое желаніе узнать: *что* онъ такое? (вопросъ, который обыкновенно употребляютъ всѣ любознательныя дѣти). Разсмотримъ, что заключаетъ въ себѣ такой вопросъ? Вопросъ этотъ заключаетъ въ себѣ (хотя бы и безсознательно для того, кто его дѣлаетъ) два вопроса: 1-й: не относится ли данный предметъ къ одному разряду съ тѣми, которые мнѣ уже извѣстны, т. е. о которыхъ я уже имѣю понятіе? и 2-й: если относится,—то чѣмъ же собственно отличается онъ отъ нихъ,

т. е., что въ немъ особеннаго, своеобразнаго?—Если на оба вопроса я получаю отвѣтъ, то любознательность моя удовлетворена; это значитъ, что я составилъ себѣ понятіе о данномъ предметѣ. Пояснимъ это примѣромъ: положимъ, что я видѣлъ *льва* нѣсколько разъ, и потому весьма легко могу его себѣ представить. Естественно, что я желаю наконецъ узнать, что же такое *левъ?* желаю составить себѣ понятіе о *львѣ*. Согласно вышесказанному, я прежде всего долженъ узнать, къ какому изъ извѣстныхъ мнѣ животныхъ онъ относится? Положимъ, я узналъ, что онъ относится къ разряду *кошекъ*. Далѣе: я желаю знать, чѣмъ же онъ собственно отличается отъ этого, столь знакомаго всѣмъ животнаго? Узнаю, что онъ отличается отъ обыкновенной кошки величиною, силою, мѣстопребываніемъ, цвѣтомъ и т. д. Что же теперь получается въ результатѣ? То, что я составилъ себѣ понятіе о *львѣ*, какъ „о животномъ кошачьей породы, отличающемся большимъ ростомъ, громадною силою, обитающемъ въ Африкѣ и Азіи, отправляющемся за добычею ночью, настигающемъ ее прыжками и т. д.› *Представленіе* льва перешло въ *понятіе* о львѣ.

§ 13. Ясно, что въ томъ понятіи, какое составлено теперь о львѣ, входитъ представленіе не только о томъ львѣ, котораго я наблюдалъ, но и о всякомъ львѣ. Слѣдовательно, понятіе отъ представленія отличается своею общностію; другими словами: понятіе—есть *обобщенное представленіе*. Или, понятіе относится къ представленію, какъ общее къ частному; если въ мое представленіе входитъ *одинъ* или *нѣсколько* предметовъ, то въ понятіе входятъ *всѣ* предметы того же рода.

§ 14. Разсмотримъ же теперь способъ, по которому образуются понятія. Предварительно замѣтимъ, что всякій предметъ, представленіе о которомъ мы въ состояніи имѣть, дѣйствуетъ на насъ своими свойствами и дѣйствіями, своими принадлежностями вообще. Эти *принадлежности* и составляютъ необходимое условіе воспріятія; онѣ матеріалъ воспріятія.

Принадлежности эти вообще называются *признаками* предмета, такъ какъ онѣ составляютъ какъ бы примѣты, по которымъ мы признаемъ предметъ. Напримѣръ, если предметомъ будетъ *снѣгъ*, то признаками его будутъ: *бѣлизна*, *холодъ*, *способность таять*. Сходство признаковъ ведетъ къ сходству предметовъ, различіе ихъ—къ различію предметовъ. Но путемъ наблюденія мы убѣждаемся, что не всѣ признаки равнозначительны для предмета: одни изъ нихъ являются и исчезаютъ въ предметѣ, не измѣняя сущности послѣдняго: таковъ признакъ *цвѣта* для растенія, животнаго, человѣка; другіе, напротивъ, существенны для предмета, т. е. предметъ, лишаясь такихъ признаковъ, перестаетъ быть *извѣстнымъ* предметомъ и становится какимъ нибудь другимъ; таковъ признакъ *питанія* или *размноженія* для растенія, животнаго, человѣка. Признаки перваго рода называются *случайными*, втораго *существенными*. Въ представленіе наше о предметѣ входятъ безразлично какъ тѣ, такъ и другіе, такъ какъ, представляя себѣ предметъ, я изображаю его, по возможности, со всѣми его принадлежностями, и чѣмъ ихъ больше, тѣмъ живѣе само представленіе; но составляя понятіе о томъ же предметѣ, я отыскиваю признаки только существенные, и вотъ почему:

§ 15. Положимъ, данный предметъ, понятіе о которомъ есть наше искомое, будетъ „классная доска“. Если мы желаемъ знать, къ какому изъ извѣстныхъ разрядовъ предметовъ она относится,—то, при помощи наблюденія, намъ необходимо отыскать такіе признаки въ другихъ предметахъ, которые общіе у нихъ съ даннымъ предметомъ. А такими признаками, очевидно, могутъ быть только постоянные, или существенные, потому что случайные, по самой измѣнчивости, не могутъ служить постояннымъ признакомъ какого либо предмета. Допустимъ далѣе, что признакъ, сближающій данный предметъ съ другими—есть „приспособленіе къ класснымъ занятіямъ“; отсюда „классная доска“ относится къ разряду, или *къ роду* ,,классной мебели“. Этотъ родъ, къ ко-

торому мы отнесли данный предметъ, составляетъ такъ называемое понятіе родовое, иначе—высшее („классная принадлежность" по отношенію къ понятію видовому, иначе—низшему („классная доска"). Иначе сказать „классная доска" мыслится въ *объемѣ* понятія „классная принадлежность". Такимъ образомъ *объемомъ* понятія называется все то, что мыслится при данномъ понятіи; а мыслится при данномъ понятіи то только, для чего данное понятіе служитъ главнымъ признакомъ. Напр. при понятіи *дерева*, слѣд. въ его объемѣ мыслится все то, къ чему могутъ относиться признаки понятія *дерево*, стало быть: ель, сосна, дубъ, пальма и проч. и проч.

§ 16. Но въ группѣ предметовъ, къ которымъ отнесено данное понятіе, находятся и другіе предметы, существенно отличающіеся отъ даннаго, напр. *столъ*, *лавка*, *стулъ*, *каѳедра* и т. д. Слѣдовательно остается еще одна логическая операція: узнать, чѣмъ отличается данный предметъ отъ другихъ того же рода? Теперь, вмѣсто признака, существенно *сближающаго* предметы между собою, мы должны искать признакъ, существенно *различающій* ихъ между собою. Допустимъ, что признакъ этотъ есть—приспособленіе къ письму мѣломъ: тогда понятіе „классной доски" опредѣлится такимъ образомъ: „классная доска есть мебель, приспособленная для письма мѣломъ". Признакъ, или признаки, существенно различающіе данный предметъ отъ другихъ, ему однородныхъ, составляетъ такъ называемое *содержаніе* понятія. Итакъ понятіе опредѣляется вполнѣ своимъ объемомъ и содержаніемъ; а тотъ путь, которымъ совершается переходъ отъ представленія къ понятію, называется *отвлеченіемъ* (слѣдуетъ разумѣть отвлеченіе отъ нагляднаго, т. е. представленія).

§ 17. Объемъ и содержаніе понятія находятся *въ обратномъ отношеніи* между собою, т. е. чѣмъ болѣе объемъ понятія, тѣмъ менѣе его содержаніе, и наоборотъ. Законъ этотъ объясняется сравненіемъ двухъ, произвольно взятыхъ, одно-

родныхъ понятій, напр. городъ и столица. Объемъ перваго понятія обширнѣе объема втораго по тому простому соображенію, что всякая столица есть городъ, но не всякій городъ есть столица; слѣдовательно, въ объемъ понятія „городъ" должно входить несравненно болѣе однородныхъ предметовъ. Далѣе: содержаніе перваго понятія, наоборотъ, менѣе содержанія втораго, что опять очевидно изъ того сооображенія, что всѣ признаки, свойственные городу, свойственны и столицѣ; но не всѣ признаки, свойственные столицѣ, свойственны и всякому городу; слѣдовательно, понятіе „столицы, заключая всѣ признаки понятія „городъ", имѣетъ сверхъ того особенные, такъ сказать—столичные признаки. Обратное отношеніе между объемомъ и содержаніемъ объясняется и тѣмъ вообще, что чѣмъ большее количество предметовъ входитъ въ понятіе рода, тѣмъ естественно меньше признаковъ, общихъ для всѣхъ предметовъ этого рода, и наоборотъ.

§ 18. Мы уже видѣли, что опредѣляя *объемъ* понятія, всегда получаются два понятія, изъ которыхъ болѣе обширное называется *родовымъ*, а менѣе обширное—*видовымъ*, или даже *единичнымъ*, если выражаетъ собою недѣлимое. Такъ напр. понятія: „горы, города, рѣки" будутъ понятіями *родовыми* въ соотвѣтствіи съ понятіями видовыми: „азіатскія горы, столичные города, большія рѣки", и съ единичными: „Араратъ, Парижъ, Лена". Но родовое понятіе необходимо предполагаетъ *нѣсколько* понятій, совмѣщающихся въ родовомъ. Эти нѣсколько понятій, по отношенію къ родовому—будутъ понятія *подчиненныя*, а по отношенію ихъ другъ другу *соподчиненныя*. Напр. понятія: „Лена, Обь, Енисей, Амуръ" и т. п. будутъ подчиненныя по отношенію къ понятію „рѣка", и соподчиненныя между собою. Но очевидно, что понятіе *родовой* и *видовой*—будутъ понятія *относительныя*, т. е. такія, которыя сохраняютъ свое значеніе родовое или видовое только *по отношенію* къ данному понятію; другими словами: понятіе А можетъ быть *родовымъ* по отношенію къ понятію В; но по отношенію къ С—оно, въ свою очередь, превратится

въ *видовое*. Напримѣръ, возьмемъ понятіе „гора"; оно очевидно, *родовое* по отношенію къ понятію „Араратъ", такъ какъ включаетъ въ себя послѣднее,—и въ то же время *видовое* по отношенію къ понятію „возвышенность", такъ какъ включается въ это послѣднее. Такимъ образомъ, между двумя логическими предѣлами: понятіемъ безконечно-обширнымъ (напр, „нѣчто") и понятіемъ безконечно-узкимъ, или единичнымъ—образуется цѣлая лѣстница понятій, восходящихъ и нисходящихъ въ смыслѣ объема, напримѣръ: (начиная съ единичнаго), — Регулъ = (который есть) Римлянинъ=т. е. Европеецъ=т. е. человѣкъ=т. е. предметъ=т. е. существо= т. е. нѣчто.

§ 19. Сравнивая понятія по ихъ *содержанію*, мы видимъ, что признаки, составляющіе это содержаніе, могутъ быть а) или сходны, в) или различны, въ большей и меньшей степени.

Высшая степень сходства есть *тождество*, но два понятія тождественныя составятъ, собственно говоря, *одно* понятіе, ибо какъ объемъ, такъ и содержаніе въ нихъ равны, напр. *Волга*, или *величайшая рѣка Европы*. Понятія называются сходными, когда имѣютъ хотя одинъ общій признакъ, напр. *серебряная ложка* и *серебряная посуда*.

Различны понятія тогда, когда, по содержанію, они не имѣютъ общихъ признаковъ, напр. *здоровый* и *богатый*. Высшая степень различія есть *противоположность*, т. е. когда признаки одного понятія исключаютъ признаки другаго, напр. *бѣлый* и *черный*, *добрый* и *злой*, *честь* и *подлость*. Эти послѣднія понятія отличаются *несоединимостью*,—они не совмѣстимы. Понятія же различныя могутъ быть соединены въ какомъ нибудь новомъ понятіи; такъ напр. *хрупкій* и *прозрачный* соединяются въ понятіи *стекла*; *бѣлый* и *холодный* въ понятіи *снѣгъ*.

§ 20. Хотя каждое понятіе, получаемое, какъ мы видѣли, путемъ отвлеченія, есть необходимо отвлеченное, однако, такъ какъ для однихъ понятій мы находимъ соотвѣтствующіе предметы въ реальномъ мірѣ, а для другихъ только въ мірѣ

мысли, сознанія,—то понятія перваго рода называются *конкретными*, а втораго—собственно *абстрактными*, или абстрактными въ тѣсномъ смыслѣ. Такъ конкретными понятіями будутъ; *дерево*, *птица*, *камень*, *насѣкомое* и т. п. абстрактными: *страхъ*, *надежда*, *терпѣніе*, *самолюбіе*, *умъ* и т. п.

Примѣч. Говоря строго, понятіе „дерева" есть абстрактъ: предметы, соотвѣтствующіе этому понятію въ мірѣ реальномъ, будутъ *извѣстныя*, единичныя деревья, а не деревья *вообще*; въ природѣ видимъ мы *извѣстный* дубъ, *извѣстную* березу, осину и т. п. но не видимъ дерева *вообще*. Тоже самое относится и къ понятіямъ „птицы, камня, насѣкомаго".

§ 21. На основаніи той лѣстницы понятій, которую привели мы въ § 18, производится какъ *расширеніе*, такъ и *ограниченіе* понятія. Мы знаемъ уже, что чѣмъ болѣе объемъ понятія, тѣмъ менѣе его содержаніе, поэтому—уменьшая число признаковъ въ понятіи, мы увеличиваемъ его объемъ, т. е. расширяемъ. Напр. понятіе „Римлянина", по отнятіи признаковъ, принадлежащихъ ему, какъ человѣку извѣстнаго племени, религіи, языка и т. д., *расширится* въ понятіе „европейца"; а это послѣднее, по отнятіи признаковъ, свойственныхъ части свѣта,—въ понятіе „человѣкъ" и т. д. Наоборотъ: увеличивая сумму признаковъ, мы увеличиваемъ содержаніе и уменьшаемъ объемъ, или границы понятія, ограничиваемъ его. Напр. если мы къ содержанію понятія „Русскій" прибавимъ признаки: „поэтъ, родившійся въ Москвѣ, на Молчановкѣ, 26 мая 1799 года: то *ограничимъ* его до того, что оно перейдетъ въ единичное: „Ал. Серг. Пушкинъ".

§ 22. Если два понятія соединятся между собою такъ, что одно изъ нихъ будетъ относиться къ другому, какъ признакъ къ предмету,—то такая форма мышленія называется *сужденіемъ*: одно изъ понятій становится *субъектомъ* сужденія, а другое его *предикатомъ*. Напр. „Счастье ненадежно". Изъ этого примѣра видно, что если понятію въ языкѣ соотвѣтствуютъ отдѣльныя *слова*, то сужденіе выражается въ формѣ

предложенія. Но замѣтимъ при этомъ, что понятіе не значитъ *одно* слово, точно такъ же, какъ сужденіе не значитъ *одно* предложеніе: нѣсколько словъ могутъ составить одно понятіе, напр. „мой искренній другъ"; нѣсколько предложеній—одно сужденіе, напр. „если натереть янтарь сукномъ, то онъ окажетъ электричество". На этомъ и основывается законъ логическаго разбора сужденій: въ какой бы грамматической формѣ ни выражалось сужденіе,—оно можетъ имѣть только 2 члена: субъектъ и предикатъ. Очевидно, что такъ называемые второстепенные члены предложенія относятся, по своему значенію, къ одной изъ двухъ группъ—или къ группѣ субъекта, или къ группѣ предиката. Въ нашемъ сужденіи напр. логическое подлежащее—„*янтарь*", логическое сказуемое—„окажетъ электричество, если натереть его сукномъ".

§ 23. Такъ какъ во всякомъ сужденіи къ понятію о предметѣ присоединяется понятіе его признакѣ, то, слѣдовательно, образованіе сужденія, по существу своему, тождественно съ образованіемъ понятія. Эта тождественность замѣчается въ слѣдующемъ:

a) Какъ понятіе о предметѣ, посредствомъ сравненія, возникаетъ изъ представленія о предметѣ; такъ точно и сужденіе, въ строгомъ смыслѣ этого слова, возникаетъ изъ такого соединенія предмета съ его признакомъ, которое дается простымъ наблюденіемъ. Такимъ образомъ этотъ послѣдній видъ сужденія, по способу образованія, находится на одной ступени съ *представленіемъ.* Такія сужденія могутъ быть названы сужденіями *первообразными*, или аналитическими. Пояснимъ сказанное примѣромъ; въ словѣ *медвѣдь* (отъ корней *мед* и *ѣд*) заключается то представленіе о животномъ, которое возникло изъ наблюденія извѣстнаго признака, свойственнаго этому животному. Такимъ образомъ слово *медвѣдь*, на этой ступени своего значенія, содержитъ въ себѣ не понятіе, а *представленіе.* Но это представленіе, очевидно, можетъ быть разложено на свои составныя части, отъ которыхъ мы получимъ сужденіе *онъ ѣстъ медъ.* Это и будетъ сужденіе *первообразное*, соотвѣтствующее *представленію*: *медвѣдь*=*ѣстъ медъ.* Въ сужденіяхъ такого вида *признакъ* уже заключается въ данномъ *предметѣ*, и сужденіе не прибавляетъ ничего новаго къ его содержанію. Къ той же категоріи будутъ относиться сужденія, подобныя слѣдующимъ: *свѣча горитъ*, *снѣгъ бѣлъ*, *птица летитъ*, *книга лежитъ.* Такія сужденія отличаются отъ представленія только *количественно*, такъ какъ требуютъ для своего образованія по крайней мѣрѣ *двухъ* понятій.

b) Какъ представленіе, путемъ отвлеченія, переходитъ въ понятіе, такъ сужденіе первообразное, тѣмъ же путемъ отвлеченія, переходитъ въ сужденіе 2-го вида, за которымъ прилично было бы удержать названіе *выводнаго*, или *синтетическаго.*

§ 24. Если въ *аналитическомъ* сужденіи мы утверждаемъ или отрицаемъ въ предметѣ такой признакъ, который и безъ того предполагается существующимъ или несуществующимъ, то въ сужденіяхъ другаго вида, *синтетическихъ*, мы утверждаемъ или отрицаемъ такой признакъ въ предметѣ, о которомъ, относительно даннаго предмета, мы могли и не знать. Говоря напр. что *вода течетъ*, мы не говоримъ ничего новаго; мы утверждаемъ только то, что присуще *водѣ* само собою и безъ чего мы *воду* не можемъ себѣ и представить; но когда мы утверждаемъ, что *вода состоитъ изъ кислорода* и *водорода*, *взятыхъ въ извѣстной пропорціи*, — то мы утверждаемъ признакъ, о которомъ могли и не знать, который не входилъ въ *понятіе* о *водѣ* и который данъ былъ намъ фактами. Поэтому въ синтетическомъ сужденіи содержаніе понятія о предметѣ расширяется новымъ признакомъ. Изъ сравненія сужденій аналитическихъ и синтетическихъ видно, что *первыя* служатъ только къ изъясненію, раскрытію собственныхъ нашихъ понятій,—а *вторыя*—къ обогащенію, или расширенію ихъ новыми свѣдѣніями. Таковы два вида сужденія по ихъ образованію. Перейдемъ теперь къ различенію ихъ по *формѣ.*

§ 25. Такъ какъ сужденіе выражаетъ собою отношеніе предиката къ субъекту, то съ измѣненіемъ отношенія измѣняется и характеръ сужденія. Отъ такого измѣненія зависятъ *виды* сужденій. Мы обозначимъ изъ нихъ важнѣйшіе: а) по *объему* понятія, составляющаго субъектъ сужденія, или по количеству, сужденія могутъ быть: *общія*, *частныя* и *единичныя*; напр. города бываютъ обыкновенно населеннѣе деревень; столичные города всегда самые многолюдные; Лондонъ—населеннѣйшій городъ цѣлаго свѣта; b) по качеству сужденія, предикатъ можетъ или утверждаться за подлежащимъ, какъ признакъ, принадлежащій предмету, или отрицаться, т. е. утверждаться, какъ признакъ, не принадлежащій предмету. Первое отношеніе образуетъ видъ сужденій *утвердительныхъ*, второе—*отрицательныхъ*, напр. *человѣкъ смертенъ*, *человѣкъ не безсмертенъ*.

Изъ примѣровъ видно, что отрицательное сужденіе есть превращенное утвердительное; с) по отношенію, предикатъ или признакъ, можетъ относиться къ субъекту или безусловно, или же при извѣстномъ условіи, или наконецъ такъ, что субъекту можетъ принадлежать одинъ изъ нѣсколькихъ признаковъ—и наоборотъ: одному изъ нѣсколькихъ субъектовъ принадлежитъ извѣстный признакъ. Сужденія перваго вида называются *безусловными*, 2-го *условными*, 3-го *раздѣлительными*, Напримѣръ: человѣкъ смертенъ; если натереть янтарь, то онъ окажетъ электричество; характеръ въ человѣкѣ частію врожденъ, частію образуется воспитаніемъ, d) По образности, лицо судящее, по способу своего отношенія къ сужденію, также образуетъ различные его виды: соединяя предикатъ съ субъектомъ, мы можемъ соединеніе это сознавать: или только возможнымъ, или — дѣйствительнымъ, или же необходимымъ. Отсюда 3 вида сужденій: *проблематическія*, *ассерторическія* и *аподиктическія*. Напримѣръ: ученый можетъ быть и недобродѣтельнымъ; земля обращается вокругъ солнца; двѣ величины, равныя одной и той же третьей, равны и между собою.

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что видъ сужденія зависитъ не столько отъ смысла, въ немъ заключающагося, сколько отъ той точки зрѣнія, съ которой мы смотримъ на связь предиката съ субъектомъ. А потому — одно и то же сужденіе можетъ принять различные виды; напримѣръ, утвердительное сужденіе *я здоровъ* можетъ измѣниться въ отрицательное *я не боленъ*; то же содержаніе, будучи по формѣ своего выраженія безусловнымъ и ассерторическимъ, можетъ перейти въ условное проблематическое: если я живу согласно съ закономъ діэтетики, то, быть можетъ. никогда не буду боленъ.

§ 26. Сужденіе, по самой сущности своей, стремится къ *выводу*: если мы судимъ о чемъ нибудь, то должны же наконецъ придти къ какому нибудь заключенію. Этотъ выводъ изъ сужденій и составляетъ то, что въ логикѣ называется заключеніемъ, или же *умозаключеніемъ*. Для того, чтобы возможно было какое либо заключеніе, необходимы по меньшей мѣрѣ *два* сужденія, соединеніе которыхъ ведетъ за собою третье. Такимъ образомъ, это 3-е сужденіе, строго говоря, уже заключается въ соединеніи первыхъ двухъ,—примѣрно точно такъ же, какъ 4 заключается въ $2+2$ или $(a+b)$ въ a и b. Напримѣръ, — пусть одно изъ сужденій будетъ: „Бездѣйствіе несвойственно природѣ человѣка“; пусть 2-е сужденіе будетъ: „Все, несвойственное природѣ человѣческой, для человѣка—вредно“. Не ясно ли, что изъ сближенія такихъ двухъ сужденій *необходимо слѣдуетъ* выводъ: „Бездѣйствіе вредно человѣку.“ Та форма соединенія двухъ сужденій, по которой необходимо вытекаетъ третье, называется *силлогизмомъ*. Первыя два сужденія называются *посылками*; общій членъ обоихъ сужденій, не входящій въ заключеніе, (несвойственное природѣ человѣка) называется *среднимъ терминомъ*. Сужденіе, въ составъ котораго входитъ предикатъ заключенія, называется *большею* посылкой; сужденіе, въ составъ котораго входитъ субъектъ заключенія,—*меньшею* посылкою; выводъ же изъ обоихъ сужденій—есть *умозаключеніе*. Изобразимъ для ясности общими знаками всю форму сил-

логизма: означимъ понятіе „бездѣйствія“ чрезъ А, понятіе „несвойственнаго человѣку“ чрезъ В, понятіе „вреднаго“ чрезъ С,—получимъ: А есть В; но В есть С; слѣдовательно А есть С. Такимъ образомъ, въ этой формулѣ среднимъ терминомъ будетъ ***B***; большею посылкою—В=С, меньшею—А=В, заключеніемъ—А=С.

§ 27. Отъ мѣста, занимаемаго среднимъ терминомъ, зависятъ *виды* силлогизмовъ: 1) средній терминъ можетъ быть въ одной посылкѣ субъектомъ, въ другой—предикатомъ; 2) онъ можетъ быть въ обѣихъ посылкахъ субъектомъ, 3) онъ можетъ быть въ обѣихъ посылкахъ предикатомъ. Примѣръ 1-го вида мы уже имѣемъ. Примѣръ втораго: „*умозаключенія* образуются изъ сужденій; *умозаключенія* — результатъ мышленія,—слѣдовательно, результатъ мышленія образуется изъ сужденій“.

Примѣръ третьяго вида: „діаметры одной и той же окружности—*равны*; небесныя тѣла движатся не *по равнымъ діаметрамъ*,—слѣдовательно, пути небесныхъ тѣлъ не образуютъ окружностей“.

§ 28. Форма силлогизмовъ, разобранныхъ нами, представляла въ составѣ своемъ 3 части: двѣ посылки и заключеніе. Но тотъ же силлогизмъ могъ бы принять и болѣе сокращенную форму. Напримѣръ: „Бездѣйствіе, какъ несвойственное природѣ человѣка для человѣка вредно“. Или: „пути небесныхъ тѣлъ не образуютъ окружностей, такъ какъ діаметры круговъ ихъ не равны“. Изъ этого видно, что, при сокращенной формѣ силлогизма, одна изъ посылокъ обыкновенно подразумѣвается. Замѣтимъ, что таковая сокращенная форма умозаключенія, какъ простѣйшая, на практикѣ болѣе употребительна.

Примѣчаніе. Въ нѣкоторыхъ новѣйшихъ сочиненіяхъ, касающихся логики, можно встрѣтить мысль, будто умозаключеніе, какъ содержащееся въ двухъ посылкахъ, не прибавляетъ ничего къ нашему умственному развитію; будто оно безполезно, и потому излишне. Это — неправда: *имѣть* два сужденія еще не значитъ *умозаключать* изъ нихъ; послѣднее дѣйствіе есть несомнѣнно результатъ умственнаго усилія и, какъ такой, въ высшей степени плодотворенъ для умственнаго развитія. Весьма долгое время существовали *данныя*, по которымъ можно было *заключить* о движеніи земли; однако долгіе годы невѣжественные люди готовы были думать, что земля стоитъ неподвижно; слѣдовательно, были сужденія, но не было *посылокъ*; нуженъ былъ геній Коперника, чтобы эти данныя превратить въ посылки и вывести законъ обращенія земли около солнца. Извѣстно, что въ алгебрѣ сложеніе количествъ *a* и *в* изображается выраженіемъ (a+b): вѣдь и это, по видимому, не представляетъ ничего новаго; однако никто еще не сомнѣвался въ пользѣ алгебры для ума.

§ 29. Достоинство силлогизма зависитъ отъ двухъ условій: a) реальнаго, при которомъ обѣ посылки должны заключать въ себѣ *истину*, какимъ бы путемъ она ни была добыта—наукою или опытомъ; заключеніе, выводимое изъ такихъ посылокъ, очевидно, должно вести также къ истинѣ. Необходимость этого условія очевидна. b) формальнаго, состоящаго въ томъ, чтобы посылки, чрезъ посредство средняго термина, были выражены такъ точно и опредѣленно, что умозаключеніе не подлежало бы сомнѣнію. Это второе условіе придаетъ силлогизму неотразимую убѣдительность. Недостатокъ же этого условія ведетъ къ тому довольно обыкновенному явленію, что весьма вѣрныя въ сущности мысли, высказываемыя неточно, безсвязно,—представляются ложными и не достигаютъ цѣли убѣжденія.—Разумѣется, нѣтъ необходимости, чтобы силлогизмъ состоялъ непремѣнно изъ 3-хъ частей; однако сокращаемыя или выпускаемыя части должны ясно подразумѣваться. Разберемъ, напримѣръ, силлогизмъ нарочно построенный для того, чтобы ввести въ заблужденіе (такіе силлогизмы зовутся *софизмами*): Эпименидъ, Критянинъ, сказалъ, что: 1) всѣ Критяне лгуны, 2) но онъ Критянинъ, слѣдовательно 3)—лгунъ. Такъ какъ приведенный софизмъ, при кажущейся правильности, ведетъ къ нескончаемому противорѣчію: будучи лгуномъ, Эпименидъ сказалъ о Критянахъ

неправду: стало быть Критяне — *не* лгуны,—но въ такомъ случаѣ и Эпименидъ говоритъ правду.... и т. д. и т. д.)—то силлогизмъ заключаетъ въ себѣ *ложь*. Дѣйствительно, разсматривая построенiе силлогизма, мы видимъ, что 1-я посылка невозможна: во 1) говоря о лживости Критянъ, никакъ нельзя говорить *о всѣхъ*, невозможно испытать правдивость *каждаго;* во 2) понятiе о лживости человѣка не заключаетъ еще о лживости его *всегда* и *во всѣхъ случаяхъ*: и лгунъ иногда можетъ сказать правду. Такимъ образомъ: 1-я посылка очевидно ложна; но если бы даже обѣ посылки были истинны,—заключенiе все-таки не было бы ихъ непремѣннымъ слѣдствiемъ. Даже, напротивъ: Эпименидъ, въ данномъ случаѣ, долженъ былъ сказать правду, хоть бы въ видѣ исключенiя.—Наконецъ, скажемъ въ заключенiе, что такъ какъ составленiе правильныхъ силлогизмовъ есть дѣло весьма трудное,—то умѣнье составлять ихъ служитъ ручательствомъ умственной зрѣлости.

§ 30. Замѣчательна особая форма умозаключенiя, соединяющая нѣсколько силлогизмовъ въ одну связную цѣпь, крайнiя звенья которой относятся между собою, какъ условiе къ слѣдствiю, или какъ основанiе къ слѣдствiю. Такой сложный силлогизмъ наз. *соритомъ*. Соритъ образуется посредствомъ опущенiя промежуточныхъ заключенiй, которыя легко могутъ подразумѣваться. Примѣръ: Если мы желаемъ быть полезны обществу, то должны трудиться; если мы хотимъ трудиться, то должны научиться какому либо дѣлу; если желаемъ научиться дѣлу, то должны избѣгать праздности. Стало быть: польза, приносимая нами обществу, обусловливается трудолюбiемъ.

Въ соединенiи 1-хъ двухъ сужденiй подразумѣвается третье: ,,польза можетъ заключаться вообще въ нашей дѣятельности". Послѣ сужденiя ,,мы должны избѣгать праздности" — легко подразумѣвать—,,должны искать труда".

§ 31. Считаемъ нужнымъ, для примѣра, представить возможно полный логическiй разборъ какой либо данной мысли.

Карамзинъ въ своемъ Предисловiи къ исторiи Государства Россiйскаго говоритъ: ,,Самая прекрасная выдуманная рѣчь ,,безобразитъ Исторiю, посвященную не славѣ писателя, не ,,удовольствiю читателей и даже не мудрости нравоучитель-,,ной, но только истинѣ, которая уже сама собою дѣлается ,,источникомъ удовольствiя и пользы." Матерiаломъ этой мысли служатъ отдѣльныя *понятiя*, вошедшiя въ ея составъ. Формою мысли служатъ *сужденiя* и *способъ соединенiя* ихъ въ цѣлую мысль. Понятiя тогда только служатъ хорошимъ матерiаломъ для мысли, когда они опредѣлены въ умѣ съ достаточною ясностiю и точностiю. *Ясность* понятiя касается его объема, *точность*—его содержанiя. Опредѣлимъ же по объему и содержанiю важнѣйшiя изъ данныхъ понятiй: „*выдуманнымъ*" называется вообще всякое созданiе нашего воображенiя, не имѣющее отношенiя къ дѣйствительности, и потому ложное.

Рѣчь—есть мысль, выраженная словами.

Безобразить—значитъ измѣнять что нибудь до той степени, на которой трудно бываетъ узнать естественный видъ или значенiе этого *чего нибудь*,—т. е. портить, ухудшать.

Исторiя есть наука, изслѣдующая законы развитiя человѣческихъ обществъ.

Посвящать—значитъ, первоначально, какой либо предметъ или дѣйствiе назначить для святыни (какъ храмъ, напримѣръ, для богослуженiя); затѣмъ вообще означаетъ предметъ или дѣйствiе, предназначаемые для какой нибудь главной цѣли (какъ, напримѣръ, исторiя для истины).

Слава—есть обширная извѣстность, прiобрѣтаемая лицемъ или предметомъ, вслѣдствiе ихъ свойствъ и дѣйствiй.

Писатель—человѣкъ, пишущiй сочиненiя поэтическiя или прозаическiя—для общества.

Удовольствiе—есть чувство удовлетворенiя, зависящаго отъ исполненiя какого либо болѣе или менѣе сильнаго желанiя.

Нравоучительная мудрость—есть глубокое знаніе, имѣющее преимущественною цѣлью добрую нравственность людей.

Истина (понятіе, принадлежащее къ числу коренныхъ и —по своей общности, весьма трудное для опредѣленія)—всякое понятіе, сужденіе или заключеніе, выведенное согласно столько же съ законами Божественными и человѣческими, сколько и съ законами природы.

Источникъ,—первоначально то мѣсто, изъ котораго истекаетъ вода—ручья, рѣки, озера и т. п. Затѣмъ—всякая первоначальная причина чего либо по отношенію къ ея слѣдствіямъ.

Польза—желательный результатъ, достигаемый употребленіемъ какого либо предмета *).

§ 32. Перейдемъ теперь къ анализу той же мысли, со стороны сужденій, въ ней заключающихся. Сужденія, входящія въ составъ мысли, слѣдующія: 1) Самая прекрасная выдуманная рѣчь безобразитъ исторію, 2) исторія не посвящена славѣ писателя, 3) исторія не посвящена удовольствію читателей, 4) исторія не посвящена нравоучительной мудрости, 5) исторія посвящена только истинѣ, и 6) истина сама собою дѣлается источникомъ удовольствія и пользы. Разсматриваемыя каждое въ отдѣльности, эти 6 сужденій будутъ: 1-е единичное утвердительно-ассерторическое, безусловное; 2-е общее отрицательно-ассерторическое, безусловное; 3-е такое же, 4-е такое же; 5-е общее утвердительно-ассерторическое, безусловное; 6-е такое же.—Разсматривая способъ соединенія этихъ сужденій, мы видимъ, что они въ мысли писателя имѣли не одинаковое значеніе, т. е. не были равночинны. Именно: главнѣйшее сужденіе есть 1-е и 5-е; 2-е, 3-е, 4-е и 5-е сужденія соподчинены 1-му, а 6-е сужденіе подчинено 5-му.

---

*) При опредѣленіи данныхъ понятій, можно замѣтить, что мы старались каждое понятіе выяснить какъ со стороны его объема, такъ и со стороны содержанія. Поэтому опредѣленіе каждаго понятія видимо распадается на двѣ части, соотвѣтствующія его объему и содержанію.

Такимъ способомъ развитія главнаго сужденія посредствомъ подчиненныхъ—образовалось единство мысли, т. е. получилась одна главная мысль, сущность которой выражена въ 1-мъ сужденіи. Перейдемъ теперь къ послѣднему дѣйствію анализа и посмотримъ, помощію какихъ соображеній писатель дошелъ до своей мысли.

§ 33. Мысль, выраженная писателемъ, какъ одно цѣлое, первоначально должна была пройти въ умѣ его, такъ сказать, сквозь горнило соображеній. Она явилась, какъ выводъ изъ отдѣльныхъ соображеній. Отсюда слѣдуетъ, что въ данной мысли есть одинъ или нѣсколько скрытыхъ силлогизмовъ, которые не счелъ нужнымъ обнаружить историкъ, но которые могутъ быть обнаружены логическимъ анализомъ. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ, примѣрно, посылки, которыя могли служить основаніемъ для общаго вывода:

1-й силлогизмъ. (Больш. посылка). Цѣль исторіи—истина.
(меньшая) *Выдуманное—не истина.*
Слѣдовательно, выдуманное не можетъ быть цѣлью исторіи.

2-й силлогизмъ. (Б. посылка) Все, что препятствуетъ цѣли дѣйствія, портитъ его, или безобразитъ.
(М. посылка) Выдуманное препятствуетъ *достиженію исторической цѣли.*
Слѣдовательно, выдуманное безобразитъ исторію.

3-й силлогизмъ (сокращенный). *Но истина*, будучи цѣлью исторіи, вмѣстѣ съ тѣмъ *служитъ источникомъ* и славы писателя, и удовольствія для читателей, и нравоученіемъ для нихъ.

А потому, стремленія къ славѣ, къ угожденію вкусу читателей или къ ихъ нравоученію, какъ заключающіяся уже въ главной цѣли исторіи,—въ писателѣ излишни и вредны.

Такимъ образомъ мы извлекли изъ мысли историка 2 полныхъ и одинъ—неполный силлогизмъ. Среднимъ терминомъ 1-го силлогизма служитъ понятіе *истины*; среднимъ терминомъ втораго—понятіе *препятствія*. Въ 3-мъ силлогизмѣ—средній терминъ—подразумѣвается.

§ 34. Выше (**§ 15** и **16**), какъ говорено было объ образованіи понятій, указанъ былъ путь *отвлеченія*, служащій средствомъ къ разъясненію даннаго понятія. Отвлеченіе это, какъ мы видѣли. состояло изъ двухъ частей: а) указанія на родое понятіе и в) указанія на видовые признаки; первое имѣло отношеніе къ объему, второе—къ содержанію даннаго понятія. Такимъ образомъ, объяснить какое-либо понятіе, посредствомъ указанія на его родъ и видовыя отличія—значитъ *опредѣлить* его. Итакъ *опредѣленіе*, въ логическомъ смыслѣ, есть такое умственное дѣйствіе, по которому данное *понятіе* относится къ извѣстному роду понятій и исчерпываются его существенные признаки. Примѣръ, „*Гимназія*, есть среднее общеобразовательное заведеніе, въ которомъ все обученіе основано преимущественно на древнихъ языкахъ и математикѣ."

Называя *Гимназію*,—общеобразовательнымъ среднимъ заведеніемъ, мы указываемъ на ближайшій родъ предметовъ, къ которому данный предметъ относится; говоря, что обученіе въ ней основывается на древнихъ языкахъ и математикѣ, мы называемъ ея существенный признакъ. Для большей наглядности, представимъ таблицу, въ которой обозначены будутъ какъ объемъ, такъ и содержаніе опредѣленнаго нами понятія:

Родъ понятія Гимназіи есть *учебное заведеніе*. Университетъ, *Гимназія*, Реальное училище, Морской корпусъ, Военная Гимназія, Уѣздное училище, Народная школа, Семинарія, Духовная академія, Женская гимназія, Юнкерская школа и проч. и проч. (понятія, входящія въ объемъ высшаго, т. е. учебнаго заведенія).

общіе признаки, соединяющіе понятія въ одинъ объемъ:

1) *Предметы преподаванія*: Законъ Божій, отечественный языкъ, математика и т. д. 2) воспитаніе, 3) учащіе и учащіеся, 4) начальство, 5) аудиторіи, или классы, съ ихъ принадлежностями и т. д. и т. д.

Существенный *признакъ*, отличающій одинъ видъ учебнаго заведенія, именно *гимназію*, отъ другихъ видовъ:

„Древніе языки и математика, какъ основа образованія."

§ 35. Уяснивши себѣ путь, которымъ достигается *опредѣленіе* даннаго понятія, мы можемъ теперь уяснить себѣ и тѣ условія, которыя необходимы для того, чтобы опредѣленіе было удовлетворительно: а) относительно объема понятія, долженъ быть указываемъ родъ—по возможности *ближайшій*, чтобы опредѣленіе не получилось слишкомъ обширное и слѣдовательно неясное. Напримѣръ: лучше опредѣлить понятіе „Пушкинъ"—такъ: „Пушкинъ—одинъ изъ лучшихъ русскихъ поэтовъ".... и т. д. чѣмъ такъ: „Пукшинъ—одинъ изъ лучшихъ писателей".... или такъ; „Пукшинъ—человѣкъ" и проч. Послѣднее указаніе на родъ слишкомъ обширно. в) относительно содержанія понятія, необходимо перечислить его *существенные*, *отличительные признаки*, и при томъ, по возможности, *всѣ*. Если бы въ число признаковъ вошелъ признакъ случайный, несущественный, то онъ, очевидно, какъ лишній, безъ нужды только обременилъ бы понятіе; напримѣръ, если бы къ прежнему опредѣленію гимназіи было прибавлено, что гимназія есть „учебное заведеніе, имѣющее пансіонъ для воспитанниковъ,"—то опредѣленіе вышло бы не только узко, (такъ какъ есть много гимназій, не имѣющихъ при себѣ пансіоновъ), но и имѣло бы одинъ признакъ *лишній*, потому что пансіонъ при гимназіи не необходимъ. Если въ опредѣленіе понятія будетъ внесенъ признакъ, хотя и существенные, но не *отличительный*,—то данное понятіе не будетъ

отдѣлено отъ подобныхъ и, слѣдовательно, можетъ быть съ ними смѣшано; напримѣръ „гимназія есть учебное заведеніе, въ которомъ преподаются: Законъ Божій, Русск. яз., Математика" и проч. Очевидно, что такое опредѣленіе годится и для Университета, и для Семинаріи, и для Морскаго Корпуса, и т. д. с) въ выраженіи опредѣленія должна быть соблюдена *точность*, т. е. не допускаются слова и обороты фигуральные, поэтическіе: сравненія, картинность и т. п. Возьмемъ, напримѣръ, опредѣленіе исторіи, которое дѣлаетъ Карамзинъ (замѣтимъ, при этомъ, что Карамзинъ не имѣлъ въ виду сдѣлать строго научное опредѣленіе: говоря о значеніи исторіи, онъ хотѣлъ произвести сильнѣйшее впечатлѣніе скорѣе на чувство и воображеніе, чѣмъ на умъ читателей: „Исторія есть священная книга народовъ, зерцало ихъ бытія и дѣятельности, скрижаль откровеній и правилъ, завѣтъ предковъ къ потомкамъ...." и т. д. Очевидно, что это —не опредѣленіе въ строгомъ смыслѣ слова; это—только сравненіе, уподобленіе исторіи другимъ предметамъ, но не разъясненіе того, что такое исторія *сама въ себѣ*. д) Признаки должны быть избираемы положительные;

е) понятіе не должно опредѣляться самимъ собою (кругъ въ опредѣленіи); въ примѣръ такихъ несостоятельныхъ опредѣленій, приведемъ слѣдующія:

а) конь—не птица, (признакъ отрицательный).

в) окружность есть круговая линія, (кругъ въ опредѣл.)

Опредѣленіе, при которомъ соблюдены всѣ сказанныя условія, будетъ отличаться *ясностію* относительно объема, *раздѣльностію* содержанія и *точностію* выраженія,—а вслѣдствіе того—*сжатостію*, такъ какъ указанныя свойства не требуютъ многословія. Лучшія опредѣленія представляетъ *математика*, какая самая точная изъ наукъ.

Въ заключеніе этого параграфа считаемъ весьма полезнымъ привести нѣсколько примѣровъ *опредѣленій*, взятыхъ изъ сочиненій извѣстнѣйшихъ писателей. По *силѣ* мысли и *сжатости* выраженія опредѣленія эти пусть послужатъ намъ

образцами для подражанія, указывая на важнѣйшія условія этой логической формы: а) силу, точность и ясность мысли и в) отсутствіе многословія.

„Зависть есть скорбь о благополучіи ближняго.›

(изъ бесѣды св. Василія Вел. о зависти)

Опредѣленіе „государствъ", съ различныхъ точекъ зрѣнія: а) съ точки зрѣнія религіозной:

„Государство есть нѣкоторый участокъ во всеобщемъ владычествѣ Вседержителя, отдѣленный по наружности, но невидимою властію сопряженный съ единствомъ всецѣлаго."

b) съ точки зрѣнія *исторической*— (по образованію, или генетическое):

„Государство есть великое семейство человѣковъ, которое по умноженіи своихъ членовъ и раздѣленіи родовъ, не могши быть управляемо, какъ въ началѣ, единымъ естественнымъ отцемъ, признаетъ надъ собою въ семъ качествѣ избраннаго Богомъ и закономъ Государя."

с) съ точки зрѣнія—*нравственной*—

„Государство есть союзъ свободныхъ нравственныхъ существъ, соединившихся между собою съ пожертвованіемъ частію своей свободы, для охраненія и утвержденія общими силами закона нравственности, который составляетъ необходимость ихъ бытія."

(Изъ Разсужденія о нравственныхъ причинахъ неимовѣрныхъ успѣховъ нашихъ въ войнѣ 1812 г. митроп. Филарета).

„Проповѣдникъ есть лицо, самою церковью избранное и получившее отъ нея призваніе быть посредникомъ между нею и частными лицами".(О духовномъ краснорѣчіи, Ю. Самарина).

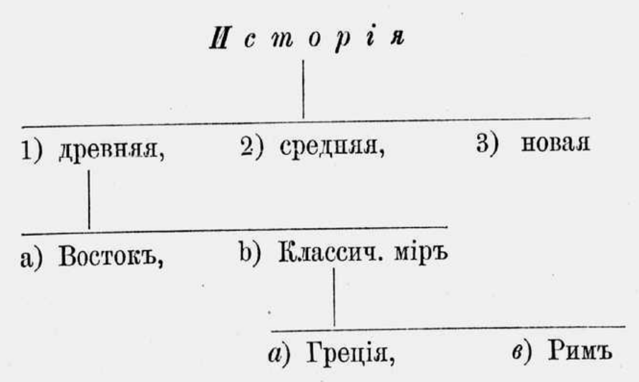
§ 36. Отъ опредѣленія существенно отличается *описаніе*. Цѣль описанія вообще та же, что и опредѣленія; объяснить предметъ; но способы, употребляемые тѣмъ и другимъ дѣйствіемъ, различны: тогда какъ опредѣленіе—указываетъ на родъ предмета и на его видовыя отличія, — описаніе исчисляетъ вообще всѣ признаки предмета, по скольку они спо-

собствуютъ изображенію предмета. какъ одного *цѣлаго*; такъ что цѣлостность представленія предмета составляетъ главную цѣль описанія. Изъ этого видно, что опредѣленіе имѣетъ отношеніе къ *понятію* о предметѣ, а описаніе къ *представленію* предмета. Опредѣленіе—отвлеченно, описаніе—наглядно! Признаки предмета играютъ важную роль и въ опредѣленіи, и въ описаніи; но въ первомъ случаѣ для насъ нужны признаки существенные, отличительные; во второмъ—характеристическіе, случайны они, или существенны—все равно, лишь бы способствовали изображенію предмета. Если отъ опредѣленія требуется ясность, раздѣльность и точность: то отъ описанія—*живость* и *изобразительность;* описаніе, въ нѣкоторомъ отношеніи, аналогично съ живописью; въ описаніи, какъ и въ картинѣ, на первомъ планѣ стоитъ *образъ* предмета, его, такъ сказать, индивидуальность; тѣ его свойства, которыя производятъ сильнѣйшее впечатлѣніе на читателя. Какъ на образецъ въ этомъ родѣ, можно указать на *Описаніе Днѣпра*, Гоголя: картинность и живость описанія не подлежатъ сомнѣнію; но, конечно, географическаго понятія о Днѣпрѣ, какъ рѣкѣ извѣстнаго бассейна, судоходной, орошающей такія-то губерніи, имѣющей такіе-то притоки,—по сказанному описанію не составишь. Послѣ внимательнаго прочтенія этихъ поэтическихъ страницъ, въ воображеніи читателя остаются признаки характеристическіе, но не существенные и не отличительные для Днѣпра, какъ рѣки: *ширина* и *величавость!* во 1) извѣстно, что Днѣпръ въ Смоленской губерніи еще не отличается шириною, во 2) Амазонская рѣка еще шире и величавѣе.

§ 37. Если при опредѣленіи какого либо понятія мы желаемъ раскрыть не только его содержаніе, но и *объемъ*,—то логическое дѣйствіе, производимое съ этою цѣлью, называется *дѣленіемъ* или *раздѣленіемъ*.

Такъ какъ объемъ понятія указываетъ на тотъ *родъ* понятій, къ которому относится данное: то раскрыть объемъ его, или сдѣлать дѣленіе значитъ—*перечислить виды* этого рода;

такъ, напримѣръ, понятіе *исторіи* можетъ быть раздѣлено на *древнюю, среднюю* и *новую*; древняя исторія, въ свою очередь, подраздѣляется на исторію міра *восточнаго*, и исторію міра *классическаго*; исторія міра классическаго снова дѣлится на исторію *Греціи* и исторію *Рима*. Изъ этого примѣра видно; а) что дѣленіе не ограничивается указаніемъ *видовъ*; видъ можетъ снова дѣлиться на *подвиды* и т. д. примѣрно такъ:

в) что дѣленіе должно имѣть извѣстное *основаніе*, по которому оно совершается — иначе *основаніе дѣленія*. Въ нашемъ примѣрѣ основаніемъ для дѣленія понятія Исторіи—служило то понятіе историческаго развитія, по которому характеръ древней исторіи рѣзко отличается отъ характера средней, а эта послѣдняя отъ характера новой исторіи. Еще примѣръ: Карамзинъ дѣлитъ Русскую исторію на *древнюю*, *среднюю* и *новую*: „Система удѣловъ (говоритъ онъ) была характеромъ первой эпохи, единовластіе—второй, измѣненіе гражданскихъ обычаевъ—третьей.“ Такимъ образомъ основаніемъ карамзинскаго дѣленія служитъ мысль о развитіи государственной жизни Россіи.

§ 38. Для того, чтобы логическое дѣленіе удовлетворяло своей цѣли, т. е. раскрытію объема понятія, — необходимо: а) чтобы исчисляемые виды заключали въ себѣ весь родъ понятія—ни болѣе, ни менѣе; или, чтобы *сумма членовъ* дѣле-

нія *равнялась* дѣлимому понятію; нельзя, напримѣръ, раздѣлить *учебныя заведенія* на *военныя* и *гражданскія*,—сумма членовъ будетъ менѣе дѣлимаго понятія (недостаетъ *духовныхъ*); b) чтобы члены дѣленія *рѣзко отличались* другъ отъ друга,—иначе сказать: одинъ членъ дѣленія никакимъ образомъ не долженъ смѣшиваться съ другимъ. Прекрасный примѣръ неточнаго, въ этомъ отношеніи, дѣленія—представляетъ намъ дѣленіе Русской Исторіи Шлецера, ошибку котораго объясняетъ самъ Карамзинъ:

Шлецеръ дѣлитъ Русскую Исторію на 5-ть періодовъ:

1) отъ 862 до Святополка—рождающаяся.
2) отъ Ярославля до Монголовъ—раздѣляемая.
3) отъ Батыя до Іоанна III-го—угнетенная.
4) отъ Іоанна до Петра Великаго—побѣдоносная.
5) отъ Петра до Екатерины II-й—процвѣтающая.

„Сія мысль, говоритъ Карамзинъ, кажется мнѣ болѣе „остро-„умною, нежели основательною: 1) Вѣкъ св. Владиміра былъ „уже вѣкомъ могущества и славы, а не рожденія; 2) Госу-„дарство дѣлилось и прежде 1015 г.; 3) Если по внутренне-„му состоянію и внѣшнимъ дѣйствіямъ Россіи надобно озна-„чать періоды, то можно-ли смѣшать въ одно время Велика-„го Князя Димитрія Александровича и Донскаго, безмолвное „рабство съ побѣдою и славой? 4) Вѣкъ самозванцевъ озна-„менованъ болѣе злосчастіемъ, нежели побѣдою“.

Итакъ, по мнѣнію знаменитаго исторіографа, члены Шлецерскаго дѣленія могутъ быть легко смѣшиваемы: напримѣръ, 2-й періодъ съ 1-мъ, 1-й съ 4-мъ и 5-мъ. Далѣе самое *основаніе* дѣленія—сбивчиво, ибо называетъ *побѣдоноснымъ* вѣкъ, который болѣе ознаменованъ былъ *бѣдствіемъ*—и т. д.

§ 39. Особый видъ логическаго дѣленія представляетъ такъ называемое *расчлененіе*. Сущность этого дѣйствія также состоитъ въ раздѣленіи: именно—данное понятіе дѣлится на *составныя части*, соотвѣтствующія частямъ мыслимаго предмета. Такъ-какъ расчлененіе понятія весьма близко къ его

раздѣленію, — то намъ необходимо установить существенное различіе между двумя названными логическими дѣйствіями: а) раздѣленіе касается, какъ сказано, объема понятія;—расчлененіе и его *содержанія*, причемъ берутся не признаки предмета, а самыя его части, напримѣръ понятіе *исторіи*, дѣлясь на понятіе объ исторіи *древней*, *средней* и *новой*,—въ то же время расчленяется на исторію IX, X, XI, XII и т: д. вѣка; b) раздѣленіе болѣе *субъективно*, такъ-какъ зависитъ отъ той точки зрѣнія, съ которой авторъ смотритъ на предметъ; расчлененіе—болѣе *объективно*, такъ-какъ основывается на составныхъ частяхъ самаго предмета; напримѣръ Шлецеръ дѣлилъ Русскую Исторію на 5-ть періодовъ; Карамзинъ—на 3, каждый сообразно собственной точкѣ зрѣнія; дѣленіе-же древней исторіи классическаго міра на *исторію Греціи* и *исторію Рима* скорѣе относится къ расчлененію, такъ-какъ представляетъ фактъ, оправдываемый самою сущностью дѣла, и потому неоспоримый. Понятіе *человѣка* можетъ быть дѣлимо весьма различно, по разнымъ точкамъ зрѣнія: по расамъ, частямъ свѣта, материкамъ и островамъ, религіямъ и проч. Но когда говорятъ, что человѣкъ состоитъ изъ двухъ сторонъ: *матеріальной* и *нравственной*; или когда физическій организмъ человѣка дѣлятъ на *голову*, *туловище* и *конечности:* то тогда производятъ *расчлененіе*; с) наконецъ, какъ слѣдствіе предъидущаго, расчлененіе предполагаетъ *сложность* понятія, такъ сказать, въ самой его реальности; тогда какъ раздѣленіе можетъ касаться предмета только въ его идеѣ, теоретически: понятіе *прекраснаго*, напримѣръ, можетъ быть теоретически дѣлимо на прекрасное въ *природѣ* и въ *человѣкѣ*; но было-бы трудно утверждать, чтобъ такіе члены дѣленія соотвѣтствовали составнымъ частямъ самой идеи,—т. е. чтобъ такое дѣленіе было и расчлененіемъ. Такимъ образомъ, не смотря на близость понятій *дѣленія* и *расчлененія*,—послѣднее отличается бо́льшею наглядностію, осязательностію и безъискусственностью.

§ 40. Само собой разумѣется, что всѣ разсмотрѣнныя на-

ми логическія формы и дѣйствія: понятія, сужденія, умозаключенія, опредѣленія, раздѣленія и расчлененія, — имѣютъ въ виду одну общую и, слѣдовательно, важнѣйшую цѣль: *доказательство* той или другой мысли, т. е. такое ея уясненіе, по которому мысль эта признается *истиною.* Имѣя въ виду эту цѣль, всякое сочиненіе пользуется всевозможными средствами для полнаго уясненія своей главной мысли. Систематическое употребленіе этихъ средствъ въ сочиненіи составляетъ въ немъ то, что называется *диспозиціею* или *расположеніемъ*.

§ 41. *Сочиненіе*, какъ показываетъ самое названіе, (чинъ) есть приведеніе мыслей въ такой *порядокъ*, въ которомъ онѣ должны быть столько же ясны и убѣдительны для принимающаго ихъ, какъ и для высказывающаго; иначе — сочиненіе есть *цѣлесообразная* систематизація мыслей, служащая для утвержденія какого-либо факта, или мысли. Но, очевидно, что систематизація предполагаетъ матеріалъ уже *готовымъ*, т. е. мысли—*пріобрѣтенными.* Стало-быть, внутреннее и важнѣйшее достоинство сочиненія состоитъ въ томъ, чтобы авторъ былъ самъ убѣжденъ въ истинности того, что̀ онъ пріобрѣлъ и высказываетъ. Эта важнѣйшая сторона сочиненій, т. е. пріобрѣтеніе мыслей, выработка основной идеи въ духѣ писателя,—не касается нашего предмета; здѣсь достаточно будетъ только замѣтить вообще, что совершенно достаточными источниками пріобрѣтенія могутъ быть названы: *знаніе* и *размышленіе*.

Теперь-же займетъ насъ другой вопросъ: какъ распорядиться пріобрѣтеннымъ матеріаломъ? какъ написать *сочиненіе?*

Одного внутренняго убѣжденія, разумѣется, недостаточно для того, чтобы мысль наша стала убѣдительною для другихъ. Для этой послѣдней цѣли служитъ расположеніе, или *диспозиція* мыслей въ сочиненіи. Основаніе диспозиціи—*практическое:* сдѣлать свою мысль убѣдительною для другихъ. Цѣль эта достигается помощію слѣдующихъ соображеній: а) прежде чѣмъ доказывать мысль, слѣдуетъ высказать поводъ, предупредить читателя о томъ, что послужило источникомъ сочиненія; эта часть диспозиціи называется введеніемъ (exordium). b) Затѣмъ дѣлается естественный переходъ къ самой основной мысли, которая при этомъ и высказывается вообще (высказать ее вдругъ, со всѣми подробностями — повредило-бы ясности); эта часть сочиненія называется *изложеніемъ* (expositio). с) 3-я часть—важнѣйшая, потому-что начинаетъ собою рядъ доказательствъ, подтверждающихъ главную мысль; авторъ высказываетъ здѣсь собственныя основанія, на которыхъ утверждаетъ онъ свою мысль; называется она — собственно *доказательствомъ* (causae). d) При доказательствѣ мысли, въ логикѣ, какъ и въ математикѣ, часто можетъ служить въ подкрѣпленіе—доказательство отъ *противнаго*, какъ и называется эта часть (contrarium) е) По свойству нашего духа, подобіе, находимое нами въ природѣ или жизни, еще сильнѣе способствуетъ къ нашему убѣжденію; эта часть, въ которой приводятся такія подобія, или аналогіи, — называется доказательствомъ *по подобію* (simile). f) Еще яснѣе дѣйствуютъ на наше убѣжденіе — примѣры, какъ факты природы и жизни, подтверждающіе нашу мысль; эту часть сочиненія можно назвать—доказательствомъ посредствомъ примѣровъ (exempla). g) Какъ бы ни было ясно и крѣпко наше убѣжденіе, на читателя не можетъ не подѣйствовать авторитетъ писателя, или вообще человѣка, къ которому общество привыкло относиться съ довѣріемъ; поэтому, какъ послѣднее изъ доказательствъ, приводится мнѣніе того или другаго авторитета, высказывающее, заключающее въ себѣ ту-же мысль; это—доказательство посредствомъ *свидѣтельства* (testimonia). Наконецъ, h) основная мысль, болѣе или менѣе растянутая рядомъ доказательствъ, въ концѣ сочиненія какъ бы *синтезируется*, повторяется въ заключеніи, но уже вооруженная всѣми средствами убѣжденія; эта часть такъ и называется—*заключеніемъ* (conclusio).

§ 42. Форма сочиненія, основная мысль котораго во всей подробности развита по этому плану (искусственность кото-

раго оправдывается цѣлесообразностію), т. е. представляетъ въ содержаніи своемъ всѣ 8-мь частей, свойственна такъ называемымъ—*разсужденіямъ*, а самый планъ называется *хріей*— и составляетъ какъ-бы общую формулу, въ которой, какъ въ алгебрѣ, вмѣсто *общихъ* величинъ, вставлены *опредѣленныя* количества. Достоинство хріи, какъ и всякой формы вообще, зависитъ отъ достоинства ея содержанія: насмѣшки, которыми не поскупилось наше время на-счетъ хріи, принадлежатъ къ числу тѣхъ, которыми обыкновенно провожаютъ *старое* или встрѣчаютъ *новое*: насмѣшки простодушныя, часто искреннія, но ни мало не доказывающія ни достоинствъ, ни недостатковъ отходящаго *прошлаго* или зарождающагося *новаго*; эти насмѣшки, въ этомъ отношеніи, *индифферентны*. Мы, съ своей стороны, должны со всею ясностію понять одно: *смѣшна форма*, лишенная содержанія; но и *безпомощно содержаніе*, лишенное формы. Если мысль наша бѣдна содержаніемъ, ее не спасетъ никакая хрія; но если мысль, сильную внутреннимъ убѣжденіемъ, мы выскажемъ въ порядкѣ, указываемомъ нашею формою, — мысль эта только выиграетъ въ силѣ убѣдительности и, слѣдовательно, жизненнаго примѣненія.

§ 43. Въ заключеніе сказаннаго о хріи вообще, попробуемъ примѣнить планъ ея къ развитію какой-нибудь опредѣленной мысли, напримѣръ слѣдующей: „Слѣпая ревность вредитъ дѣлу“: *).

1) Exordium. Басня вообще уясняетъ намъ ту или другую житейскую истину. Въ баснѣ Пустынникъ и Медвѣдь Крыловъ заключаетъ разсказъ свой такимъ замѣчаніемъ: „Услужливый дуракъ—опаснѣе врага“. Изреченіе это равносильно темѣ: избранной нами для разбора.

2) Expositio. Ревность, какъ сильное желаніе дѣйствовать въ пользу какого-либо дѣла, бываетъ

*) По Холевіусу.

слѣпа тогда, когда не управляется, не сдерживается разумомъ. Основная мысль наша слѣдовательно та, что слѣдствіемъ такой ревности можетъ быть не польза, а вредъ для дѣла.

3) Causae a) человѣкъ, не управляемый разсудкомъ, не хочетъ знать, справедливо или несправедливо то или другое побужденіе, полезно или вредно!

b) поспѣшностію—онъ мѣшаетъ своему соображенію, и слѣдовательно можетъ испортить и хорошо начатое дѣло.

4) Contrarium. Если-бы допустить, что желанія наши не должны управляться разсудкомъ, — то: а) какое-бы значеніе могъ имѣть разсудокъ въ нашей жизни и b) чѣмъ-бы отличался тогда человѣкъ отъ животныхъ, которыя лишены разсудка!

5) Simile. И въ природѣ—многія благодѣтельныя для человѣка силы обращаются въ губительныя, если не бываютъ сдерживаемы: таковы, напримѣръ, огонь и вода. Медвѣдь убиваетъ Пустынника, желая, по дружбѣ, оказать ему услугу.

6) Exempla. Кто знаетъ, былъ-ли бы такъ счастливъ Аннибалъ при Каннахъ, если-бы не излишняя ревность римскаго консула!

7) Testimonia. Не только знаменитый баснописецъ Крыловъ подтверждаетъ нашу мысль, но и здравый смыслъ народа, который говоритъ въ пословицахъ: „не суйся въ воду, не спросясь броду; поспѣшишь, людей насмѣшишь“... и т. п.

8) Conclusio. Пользоваться нравоученіемъ басни или пословицы—значитъ примѣнять его къ жиз-

ни, сообразуясь съ обстоятельствами. Основная мысль наша несомнѣнно заключаетъ истину; но каждый изъ насъ долженъ слѣдовать собственному разсудку, чтобы знать когда и какъ примѣнить ее. Слѣпая ревность и тутъ можетъ повредить дѣлу.

Таково краткое развитіе мысли помощью хріи. Скажемъ только нѣсколько о томъ, какъ примѣнять ее къ сочиненіямъ. Необходимо знать, что каждая мысль допускаетъ *большее* и *меньшее* развитіе; это зависитъ, какъ отъ ея сущности, такъ и отъ относительной полноты нашихъ свѣдѣній. Въ тоже время *хрія*, не будучи обязательною во всѣхъ 8-ми частяхъ своихъ и въ ихъ послѣдовательности,—представляетъ формулу *возможно-полнаго* развитія мысли. Слѣдовательно, развивая мысль по хріи, мы должны избѣгать всякой *натяжки*, т. е. пользоваться тѣми только ея частями, которыя мы въ состояніи развить съ полнымъ сознаніемъ и ясностію: напримѣръ, весьма возможно, что, доказывая мысль, въ которой крѣпко убѣждены мы сами, мы не въ состояніи воспользоваться чьимъ-либо авторитетомъ, или не въ состояніи подобрать подходящее подобіе (вслѣдствіе малой начитанности, недостатка свѣдѣній и т. п.): ясно, что въ нашемъ планѣ №№ 5-й и 7-й должны быть пропущены. Далѣе: весьма возможно, что доказательствомъ черезъ примѣръ мы владѣемъ лучше, нежели доказательствомъ отъ противнаго; въ такомъ случаѣ № 6-й будетъ у насъ помѣщенъ раньше 4-го, т. е, замѣнитъ его мѣсто. Наконецъ, на разборѣ образцовыхъ разсужденій: Карамзина, Павлова, Каткова, Баратынскаго (помѣщенныхъ въ Христоматіи), мы можемъ убѣдиться, что одна часть плана не должна слишкомъ рѣзко отдѣляться отъ другой (какъ это сдѣлано у насъ ради первоначальной ясности); переходы должны быть, по возможности, незамѣтны, какъ незамѣтенъ бываетъ нагой планъ сада, если его убралъ искусный садовникъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Стилистика).

§ 44. Если мы припомнимъ вкратцѣ сказанное о сочиненіи, то можемъ слѣдующимъ образомъ резюмировать условія, необходимыя для того, чтобы сочиненіе было удовлетворительно: a) нуженъ *матеріалъ*, или основная мысль сочиненія съ ея побочными,—доказывающими и развивающими мыслями; b) пріобрѣтенный матеріалъ долженъ быть *расположенъ* въ извѣстномъ порядкѣ, или по извѣстному плану, соотвѣтственно цѣли сочиненія. Но за этими внутренними сторонами сочиненія остается еще внѣшняя: пріобрѣтенный и расположенный матеріалъ долженъ быть *выраженъ* въ соотвѣтствующей формѣ. Такимъ образомъ c) *выраженіе* будетъ третьимъ условіемъ сочиненія;—*изслѣдовать законы* и *правила* для выраженія мыслей составляетъ предметъ стилистики.

§ 45. Форма, которою выражается наша мысль, есть *предложеніе*, или соединеніе нѣсколькихъ предложеній — *рѣчь*. На этомъ основаніи и ученіе о выраженіи можетъ быть раздѣлено на a) ученіе о предложеніи и b) ученіе о рѣчи.

a) Ученіе о предложеніи.

§ 46. Предложеніе есть мысль, выраженная словами; слѣдовательно законы и правила, касающіеся выраженія мысли, сводятся къ законамъ и правиламъ, касающимся *выбора* и *расположенія словъ*.

Примѣчаніе. Законы должно отличать отъ *правилъ*: первые коренятся въ духѣ языка; — вторыя — основываются на принятомъ обычаѣ, свойственномъ той или другой литературной эпохѣ; напримѣръ метафора объясняется *законами* языка; употребленіе причастій и дѣепричастій—*правилами*, различными для языка литературнаго и разговорнаго.

§ 47. Выборъ словъ находится въ зависимости отъ ихъ значенія и употребленія. *Значеніе* словъ, въ свою очередь, объясняется ихъ происхожденіемъ въ языкѣ; а *употребленіе* есть та сила, которая, по неизслѣдованнымъ еще законамъ, безсознательно живетъ въ устахъ говорящаго народа и оказываетъ вліяніе на *предпочтеніе* одного слова или оборота другому слову или обороту. Въ примѣръ возьмемъ, положимъ, слова *писецъ* и *писатель*; значеніе ихъ, согласно происхожденію отъ корня *пис* (писать), показываетъ лицо вообще *пишущее*; но одна только сила употребленія можетъ объяснить, почему говоря, о чиновникѣ, списывающемъ въ канцеляріи бумаги, мы называемъ его *писецъ*; а говоря о личности, пріобрѣтшей извѣстность въ литературѣ,—*писатель*.

(Для сравненія scriba и scriptor).

§ 48. *Слово* является въ языкѣ вслѣдствіе потребности *назвать* тотъ или другой предметъ, его качество и дѣйствіе. Потребность назвать предметъ, т. е. дать ему имя, въ свою очередь — происходитъ оттого, что предметъ произвелъ на человѣка извѣстное впечатлѣніе. Но такъ-какъ впечатлѣніе производится помощію качествъ и дѣйствій того-же предмета, то *корнемъ* названія, или слова всегда бываетъ тотъ звукъ или звуки, которыми выражается это впечатлѣніе. Напримѣръ, слова *бѣлокъ*, *бѣлизна*, *бѣлье*, *бѣлка*—указываютъ на впечатлѣніе бѣлаго цвѣта, выражаемаго общимъ ихъ корнемъ *бѣл*.

§ 49. Такимъ образомъ, являясь въ языкѣ результатомъ впечатлѣній, слова необходимо въ основѣ своей должны заключать представленіе *наглядное*, *видимое*, а не отвлеченное; ибо для того, чтобы качество или дѣйствіе предтета произвело на насъ впечатлѣніе, качество это или дѣйствіе необходимо должны быть нами ощущаемы, т. е. дѣйствовать на то или другое изъ нашихъ чувствъ: на зрѣніе, на слухъ, на осязаніе и т. п. Слѣдовательно, словъ, которыя-бы заключали въ себѣ основу, или корень *отвлеченный* — въ языкѣ быть не можетъ. Это и подтверждается анализомъ тѣхъ словъ, которыя обыкновенно выражаютъ собою понятіе отвлеченное,

напримѣръ, *отношеніе*, *цѣль*, *причина*, *поводъ*, *поняніе*, и т. п. Измѣнивъ нѣсколько форму данныхъ словъ, мы получимъ такія понятія, въ основѣ которыхъ лежитъ, очевидно, наглядное представленіе, напримѣръ, *относить*, *цѣлиться*, *починить*, *поваживать*, *понятые*. И такъ—хотя само впечатлѣніе, какъ явленіе внутренняго міра человѣка, по природѣ своей всегда духовно, но, облекаясь въ форму слова, — оно является передъ нами въ *видимомъ образѣ*, какъ представленіе; потому и говорятъ справедливо, что „слово есть тѣло мысли“.

§ 50. Но предметы, производя своими свойствами и дѣйствіями впечатлѣніе на человѣка, могутъ при этомъ дѣйствовать на него двоякимъ образомъ: a) или одинъ и тотъ-же предметъ различными сторонами своими, при разныхъ обстоятельствахъ, производитъ и различныя впечатлѣнія; b) или нѣсколько предметовъ, хотя-бы въ сущности различныхъ, одинаковыми сторонами и при одиноковыхъ обстоятельствахъ, производятъ одно впечатлѣніе. Результатомъ перваго случая являются разныя названія для одного и того-же предмета, или *синонимы*, напримѣръ: путь и дорога, трудъ и работа, дѣлать и производить, стремиться и направляться, защищаться и обороняться и т. д. Результатомъ втораго случая является одинаковое названіе для различныхъ предметовъ, или *тропъ*, напримѣръ: крыша (дома), крышка (у чайника, крыша (у гроба); голова (у человѣка), глава (церкви), глава (книги). Какъ значеніе синонимовъ, такъ и значеніе троповъ для языка чрезвычайно важно: первые способствуютъ *выразительности*, *ясности* въ языкѣ, исчерпывая значеніе предмета съ разныхъ сторонъ и въ различныхъ отношеніяхъ, слѣдовательно пополняя собою значеніе эпитета; вторые составляютъ *экономію* языка, помогая ему помощію весьма ограниченнаго количества корней — называвать все безконечное разнообразіе предметовъ. При дальнѣйшемъ обзорѣ синонимовъ и троповъ мы убѣдимся, что какъ тѣ, такъ и другіе главнымъ образомъ составляютъ *богатство* и *силу* языка.

§ 51. Синонимы, какъ слова подобозначущія, очевидно, весьма легко могутъ быть смѣшиваемы; т. е. употребляемы одинъ вмѣсто другаго. Для того, чтобы въ практическомъ употребленіи языка смѣшеніе это не имѣло мѣста, необходимо *различать* синонимы. Способовъ для различенія синонимовъ *два:* a) посредствомъ нахожденія *корня*, и съ нимъ того первоначальнаго впечатлѣнія, которое лежало въ основѣ слова, и b) посредствомъ изученія языка народнаго и литературнаго, — изученія, которое научаетъ насъ, хотя безсознательному, но правильному употребленію синонимовъ въ духѣ роднаго языка. Второй способъ особенно важенъ въ практическомъ отношеніи, во-первыхъ потому, что не всегда бываетъ возможно нахожденіе первоначальнаго корня, какъ напримѣръ, въ словахъ *путь* и *дорога*, *человѣки* и *люди;* во-вторыхъ, потому, что сила употребленія слова въ языкѣ часто удаляетъ слово отъ кореннаго его значенія; какъ, напримѣръ, въ словахъ *прекрасный* и *прелестный* не осталось и слѣда того впечатлѣнія *краснаго* и *льстиваго*, т. е. обманчиваго, которое находится въ основѣ словъ; точно также, при различеніи словъ *трудъ* и *работа*, уже невозможно основываться на коренномъ ихъ значеніи, которое заключаетъ въ себѣ представленіе о *болѣзни* и *рабствѣ*, а необходимо обратиться къ современному употребленію этихъ словъ, какимъ оно является въ устахъ народа и въ сочиненіяхъ лучшихъ нашихъ писателей. Обращаясь къ этому источнику, мы видимъ: 1) что синонимы *путь* и *дорога* различаются въ употребленіи языка такъ, что *путь* означаетъ собственно направленіе въ движеніи, тогда какъ *дорога* обозначаетъ самое мѣсто, назначенное, приспособленное къ этому направленію; оттого говорятъ *желѣзная дорога* и *санный путь*. „Мы тронулись *въ путь*". Казалось, *дорога* вела на небо, потому-что, сколько глазъ могъ разглядѣть, она все поднималась и пропадала въ облакѣ, которое еще съ вечера отдыхало на вершинѣ Гутъ-горы.....

(Лерм. Герой нашего времени).

2) Слова *прекрасный* и *прелестный* различаются такъ, что первое значеніе относится собственно къ красотѣ образа, лица, вида и т. д. Второе — выраженіе того ощущенія, которое прекрасное часто производитъ въ наблюдателѣ, напримѣръ:

Есть въ свѣтлости осеннихъ вечеровъ
Умильная, таинственная *прелесть.*

(Тютчевъ).

Унылая пора! очей очарованье!
Пріятна мнѣ твоя прощальная *краса*.....

(Осень, Пушкина).

3) *Трудъ* и *работа:* первое обозначаетъ большое дѣйствіе, и усиліе, нужное для дѣйствія; второе результатъ дѣйствія и вообще дѣятельность, направленную къ какой-либо практической цѣли.

Мигъ вожделѣнный насталъ, —
Окончен мой *трудъ* многолѣтній!

(Пушкинъ).

Только за *работой*
Молодая дочь
Борется съ дремотой
Во всю долгу ночь.

(Никитинъ).

Первый способъ различенія, т. е. посредствомъ нахожденія корней, имѣетъ теоретическую важность: можно сказать, что этотъ способъ важенъ собственно для *различенія*, а второй— для *употребленія* синонимовъ. Такимъ образомъ, различеніе вышесказанныхъ синонимовъ по корнямъ ведетъ къ тому, что осмыслитъ, придастъ законность тому ихъ употребленію, какое мы указали: если слово *трудъ* въ древности означало *болѣзнь*, то понятно, почему и теперь съ нимъ соединяется понятіе объ усиліи; если *лесть* значитъ *обманъ*, то понятно, почему *прелестнымъ* называемъ мы по преимуществу то, что обаятельно дѣйствуетъ на наши чувства.

§ 52. Отъ синонимовъ въ тѣсномъ смыслѣ должно отличать слова однозначащія, тождественныя по смыслу, какъ; *лобъ* и *чело*, *десница* и *правая рука*, *глазъ* и *око* и т. п. Видимо, что это слова, обозначающія одинъ и тотъ-же предметъ, но взятыя изъ разныхъ языковъ или нарѣчій. Такія слова относятся другъ къ другу такъ-же, какъ, напримѣръ, латинское названіе предмета къ его французскому или нѣмецкому названію: человѣкъ, homo, homme, Mensch; сомнѣваться, douter, zweifeln, dubitare; гордый, superbus, superbe и т. д.

Говоря въ строгомъ смыслѣ, данныя слова также находятся между собою въ отношеніи синонимическомъ; такъ homo и homme называютъ человѣка по впечатлѣнію *почвы* (humus), Mensch, иначе Mann—по впечатлѣнію *думы* (въ связи съ mens); dubitare и douter — отъ корня duo. zweifeln отъ zwei, сомнѣваться—отъ *со* и *мнѣніе*; но такъ-какъ они принадлежатъ разнымъ языкамъ, то терминъ *синонимы* при нихъ неупотребителенъ.

§ 53. Если каждое слово, заключая въ основѣ своей живое представленіе, нѣкоторымъ образомъ возобновляетъ въ душѣ нашей первоначальное впечатлѣніе, произведенное предметомъ: то каждое слово есть вмѣстѣ съ тѣмъ и *образъ*; такъ оно и есть во многихъ словахъ, корень которыхъ для насъ легко представляемъ, напримѣръ *медвѣдь*, *животное*, *свѣтелка*. *ночникъ*, *подсолнечникъ* и т. п. Но съ теченіемъ времени, это первоначальное впечатлѣніе, лежавшее въ основѣ слова, исчезло, — и слово, вмѣсто *образа*, стало являться намъ однимъ только *понятіемъ*; сюда принадлежитъ огромное большинство словъ, корень которыхъ частію вовсе намъ неизвѣстенъ, частію потерялъ для насъ своеобразное значеніе, напримѣръ, *лебедь*, *ночь*, *день*, *небо*, *солнце* и множество другихъ. Не смотря однако на это, въ языкѣ постоянно имѣется потребность служить *выразителемъ* нашего духа, т. е. не только нашихъ мыслей, но и чувствъ, и желаній, и вообще ощущеній. Потребность эта удовлетворяется такъ на-

зываемымъ *эпитетомъ*. Говоря вообще, каждое слово, по происхожденію своему, есть эпитетъ; но *эпитетомъ* въ тѣсномъ смыслѣ называется такое слово (существительное, прилагательное или нарѣчіе), которое постоянно сопровождая другое (существительное или глаголъ), какъ-бы возобновляетъ въ душѣ нашей забытое впечатлѣніе, лежащее въ основѣ этого другаго слова.

Сказать короче: эпитетъ есть *характеристическое прозвище*, сопровождающее названіе предмета или дѣйствія. Такими эпитетами особенно богатъ языкъ поэтическихъ произведеній, народныхъ и литературныхъ, а также и живой языкъ въ его ежедневномъ употребленіи. Таковы, напримѣръ, эпитеты, встрѣчающіеся въ поэзіи: a) народной: *темны* лѣса, *царевъ* кабакъ, *чужедальняя* сторонушка, *горемычная* кукушечка, *зеленый* садъ, слезы *горючія*, *родимая* матушка, *красная* дѣвица, *сударь*-батюшка, *жаръ*-птица, *матушка*-Москва, *чистое* поле, *красно*-солнышко, лебедь *бѣлая* и проч. и проч. b) литературной: *священная* жертва, *суетный* свѣтъ, *святая* лира, *чуткій* слухъ, *людская* молва, *шумныя* волны (Пушкина). *Небесный* даръ, *огнедышащее* слово, *открытое* чело, *лукавая* жертва (у Языкова). *Чистое* ученье, *чистыя* воды, *тихая* молитва, *дольній* прахъ, *безоблачное* чело (у Лермонтова).

Нарѣчія при глаголахъ также пріобрѣтаютъ значеніе эпитета, большею частію сопровождая извѣстные глаголы, напримѣръ, въ языкѣ разговорномъ: горѣть *ярко*, спать *крѣпко*, жить *дружно*, звать *громко*, плакать *горько* и т. п.

Сравнивая эпитеты народные съ литературными, замѣчаемъ, что первые постояннѣе, такъ сказать, однообразнѣе, а во-вторыхъ представляется болѣе произволу и разнообразія. Обстоятельство это объясняется самымъ свойствомъ тѣхъ и другихъ произведеній: созданіе народныхъ произведеній составляетъ достояніе *общее*, между тѣмъ какъ литературныя произведенія носятъ на себѣ характеръ *личнаго* таланта. Достоинство эпитета—въ его *меткости*: чѣмъ характеристич-

нѣе черта предмета, схваченная его эпитетомъ, тѣмъ и эпитетъ—выразительнѣе.

§ 54. Перейдемъ къ тропамъ. *Тропъ* вообще есть *переносъ* слова отъ одного значенія къ другому, отъ болѣе нагляднаго значенія къ менѣе наглядному, и къ отвлеченному. Этотъ переносъ совершается на основаніи нѣкотораго сближенія, возможнаго между разнородными предметами, или—точнѣе—понятіями. Сближеніе между предметами, или понятіями разнородными, возможно вообще тогда, когда есть между ними какое-нибудь, хотя-бы отдаленное сходство, такъ называемая аналогія. Такимъ сходствомъ пользуется языкъ для переноса въ слѣдующихъ трехъ случаяхъ: когда въ свойствахъ предмета отвлеченнаго есть что-нибудь, напоминающее свойство предмета видимаго; въ такомъ случаѣ названіе видимаго предмета переносится къ значенію предмета отвлеченнаго; это—переносъ по качеству, или *метафора*. Тропъ этотъ употребляется въ языкѣ для названія отвлеченныхъ *предметовъ*, *свойствъ*, *дѣйствій* и *отношеній*, и слѣдовательно, играетъ въ языкѣ самую видную роль, выражаясь въ именахъ существительныхъ, прилагательныхъ, глаголахъ, нарѣчіяхъ, предлогахъ, союзахъ. Напримѣръ, *духъ, душа*—названы по сближенію съ *воздухомъ*, *дыханіемъ*, на основаніи *безтѣлесности*, *невидимости*, *необходимости* для жизни; аналогіей въ этомъ случаѣ послужили эти качества, какъ-бы общія двумъ разнороднымъ понятіямъ. *Темный* — перенесено къ понятію *невѣжественный*, по сближенію отсутствія знанія съ отсутствіемъ свѣта—*тьмою*. *Понять* (по-яти, брать) перенесено къ понятію умственнаго усвоенія, *понимать*—какъ-бы *имать*, *брать* что-либо умомъ. Примѣры метафорическаго употребленія неизмѣняемыхъ частей рѣчи: онъ убѣжденъ *крѣпко*; *во* мнѣніи его есть доля правды; „*хотя* услуга намъ при нуждѣ дорога, но за нее не всякъ умѣетъ взяться.“

§ 55. Такъ какъ языкъ вообще есть образное выраженіе нашихъ мыслей, то понятно, что тропъ входитъ въ самое существо языка,—и, съ этой точки зрѣнія, гораздо труднѣе отыскать такое слово, въ которомъ бы не было тропа, чѣмъ такое, въ которомъ онъ есть. Любопытно поэтому, взявши на выдержку нѣсколько строкъ любаго литературнаго произведенія, прослѣдить, на сколько метафора принимаетъ участіе въ выраженіи мысли. Беремъ, напримѣръ, первую мысль изъ разсужденія Бѣлинскаго *о воспитаніи*: „Истина выше человѣка, какъ личности; чтобъ быть достойнымъ имени человѣка, онъ долженъ сдѣлаться сосудомъ истины:“ слово *истина* заключаетъ въ себѣ метафору по сближенію съ основою *есть*, корень—*ес* (отъ гл. бытъ), латинско-французскаго est, нѣмецкаго ist; *выше*—метафора, по сближенію съ понятіемъ *высоты*, какъ представляется она нашему глазу; слово *человѣкъ* (допустимъ ли мы въ основѣ этой формы *чело* или *слово*), то всякомъ случаѣ заключаетъ въ себѣ синекдоху, равно какъ и слово *личность*, такъ какъ опредѣленное переносится къ неопредѣленному, часть переносится къ цѣлому; союзъ *чтобъ*, имѣя въ основѣ своей мѣстоименіе *что*—переноситъ понятіе частное къ общему и, слѣдовательно, составляетъ также синекдоху; *достойный* метафора, по сближенію съ понятіямъ *стоять—стоить*; *сосудъ*—метафора очевидная; *сдѣлаться*—метафора, вслѣдствіе перехода нагляднаго въ отвлеченное, *сдѣлать себя* въ *быть чѣмъ нибудь* (какъ бы s i c h m a c h e n в ъ w e r d e n). Слово *имя* употреблено опять въ несобственномъ смыслѣ: означающее вмѣсто означаемаго; слѣдовательно—метонимія. Однимъ словомъ, ни въ чемъ такъ не проявляетъ себя сущность человѣческаго языка, какъ въ употребленіи троповъ, и особенно метафоры; можно сказать, что сущность языка, по-видимому, въ *доточности* выраженій, — что весь языкъ по происхожденію и составу, есть ни что иное, какъ одинъ поэтическій *тропъ*. Но должно помнить, что эта кажущаяся неточность составляетъ существенную потребность нашего духа, и что, если бы кто вздумалъ выражаться совершенно *точно*, т. е. безъ всякихъ переносовъ и замѣщеній, — тотъ принужденъ бы былъ молчать.

§ 56. Такъ какъ отвлеченіе составляетъ существенный элементъ въ употребленіи языка, его логическій ростъ, (если можно такъ выразиться), то, понятно, до какой степени важно и необходимо употребленіе метафоры, этого единственнаго средства для выраженія отвлеченныхъ понятій, Но, кромѣ этого, метафора имѣетъ и поэтическое значеніе, по скольку способствуетъ сближенію вообще міра внутренняго, духовнаго,—съ міромъ внѣшнимъ, матеріальнымъ. Для оцѣнки этого значенія метафоры достаточно внимательно прочесть и разобрать стихотвореніе Языкова „Поэту“ (Христ. Галах. часть II, стр. 356, изд. 1868 г.) Стихотвореніе это представляетъ цѣлый рядъ метафоръ, составляющихъ въ своемъ цѣломъ одну поэтическую *аллегорію* *). в) Другой видъ тропа: если понятія могутъ быть сближены между собою въ какомъ либо отношеніи, напримѣръ причина съ дѣйствіемъ, содержимое съ содержащимъ, авторъ съ своими произведеніями, какой нибудь предметъ съ веществомъ, изъ котораго онъ сдѣланъ, съ мѣстомъ, гдѣ онъ изобрѣтенъ и т. п.—то одно изъ нихъ можетъ быть, на основаніи такого сближенія, *замѣщено* другимъ; такой способъ замѣщенія называется *метониміей*. „Я три *тарелки* съѣлъ,“ говоритъ у Крылова Фока Демьяну: слѣдуетъ понимать то, что наливается въ тарелку, т. е. уху. „Мужъ удивительный, губитъ тебя твоя *храбрость*!...,“ говоритъ Андромаха Гектору, т. е. губитъ тебя то дѣло, на которое ты рѣшаешься по храбрости. Говорятъ: переводить *Тацита*, *Горація*, вмѣсто ихъ сочиненій. Извѣстное платье названо *визиткой* по цѣли, для которой оно сдѣлано. Выраженія *пространство*, *время*, *годъ* (въ смыслѣ времени вообще)—также выраженія метонимическія, потому что сближаются съ понятіями простираться, врѣти=кипѣть, годить=ждать **).—Употребленіе метонимій объясняется *сжатостію*

*) Аллегорія, взятая изъ міра животныхъ или предметовъ неодушевленныхъ, съ цѣлію нравоучительною,—составляетъ обыкновенную форму *притчи*, или *басни*.

**) Названіе винъ: Портвейнъ, Мадера, Малага, Хересъ и т. п., суть также метонимія.

и *краткостью*, какія сообщаетъ она нашей рѣчи: по самому смыслу своему, метонимія, въ формѣ одного понятія, заключаетъ въ себѣ по меньшей мѣрѣ два — *замѣщающее* и *замѣщаемое*. Въ разговорной рѣчи употребленіе ея обыкновенно: выпить *двѣ чашки*; садиться *за столъ* и т. п.

§ 57. с) Третій видъ тропа: понятія сближаются и замѣщаются одно другимъ *по количеству*: по названію части разумѣется цѣлое, неопредѣленное употребляется вмѣсто опредѣленнаго, единственное вмѣсто множественнаго. Тропъ этотъ называется *синекдохой*. Напримѣръ, рогатый скотъ считается *головами*: купить *100 головъ* рогатаго скота; „*Тысяча душъ*“ —заглавіе романа Писемскаго; „*Врагъ* вступаетъ въ предѣлы отечества;“ *100000 названій*—говорится о составѣ библіотеки; слова *годъ*, *недѣля*, *часъ*—употребляемыя въ смыслѣ опредѣленномъ, т. е. въ значеніи 12 мѣсяцевъ, 7 дней, и 60 минутъ, составляютъ также синекдоху. Имена существительныя *собственныя*, образовавшіяся, какъ извѣстно, изъ нарицательныхъ корней и, слѣдовательно, перенесшія значеніе отъ общаго къ частному и единичному,—также принадлежатъ къ синекдохѣ: *петръ* отъ значенія камня — къ *Петру*, какъ имени человѣка, *ильмень*—отъ значенія озера вообще къ извѣстному озеру въ Новгородской губерніи, *альпы* — высокія горы вообще, и *Альпы*—извѣстныя горы въ Средней Европѣ, *дунай*—рѣка вообще, и *Дунай*—рѣка, впадающая въ Черное море и т. д.

Разсмотрѣвши три главнѣйшіе вида троповъ, мы видимъ, какъ помощію ихъ языкъ выражаетъ всевозможныя понятія, имѣя въ распоряженіи весьма ограниченное число корней; (въ русскомъ языкѣ считаютъ ихъ до 2000). Это—такъ сказать—количественное значеніе троповъ. Кромѣ того, они имѣютъ для языка и *качественное* значеніе, сообщая понятіямъ образность и сжатую выразительность. Въ развитіи языка всѣ тропы легко подраздѣляются на двѣ группы: *коренныхъ* и *искусственныхъ*; одни, первые употребляются въ языкѣ съ незапамятныхъ временъ: народъ употребляетъ ихъ не-

вольно и безсознательно, вовсе не подозрѣвая, что онъ употребляетъ тропы. Другіе, искусственные, представляютъ результатъ поэтическаго творчества отдѣльныхъ личностей. *) Значеніе какъ тѣхъ, такъ и другихъ для языка—вообще одинаково; различіе состоитъ только въ томъ, что первые составляютъ принадлежность языка, стоятъ внѣ нашей критики; про нихъ нельзя сказать—удачны ли они, или неудачны, выразительны или нѣтъ: иначе говорить нельзя, вотъ *что* составляетъ для нихъ законное оправданіе. Что касается до вторыхъ, то они, разумѣется, подлежатъ нашему разбору и оцѣнкѣ: одни отличаются большею, другіе—меньшею выразительностію.

§ 58. Перейдемъ къ разсмотрѣнію другихъ средствъ, употребляемыхъ въ языкѣ для той же цѣли большей выразительности. Какъ по значенію, такъ и по употребленію въ языкѣ, первое мѣсто среди нихъ принадлежитъ такъ называемому *олицетворенію* (просопопеѣ).

„Олицетвореніе, (по выраженію проф. Буслаева) проникаетъ собою весь составъ языка.“ Въ самомъ дѣлѣ, разсматривая въ составѣ языка его суффиксы и флексіи, мы видимъ, что многіе изъ нихъ означаютъ *лицо*; таковы суффиксы *тер*, *тель*, таковы флексіи лицъ въ глаголѣ—у,-ю, ешь-ишь, етъ-итъ и т. д. Но, независимо отъ этого грамматическаго олицетворенія, языкъ представляетъ цѣлыя выраженія, объясняемыя только помощію коренной просопопеи, напримѣръ дождь, снѣгъ, градъ—*идетъ*, дорога *подымается* въ гору; вѣтеръ *воетъ*, огонь *охватываетъ* строеніе и т. д. Что касается до олицетворенія, употребляемаго нашими поэтами, то поэзія наша представляетъ столько образцовъ поэтическихъ олицетвореній, что трудно указать преимущественно на одно какое нибудь. Изъ образцевъ, пользующихся наибольшею извѣстностію, укажемъ на стихотвореніе Лермонтова *«Споръ,»* замѣ-

*) Въ примѣрахъ, приведенныхъ нами, встрѣчается и тотъ и другой видъ троповъ

чательное столько же единствомъ олицетворенной идеи, сколько и превосходнымъ подборомъ отдѣльныхъ подробностей.

Важное значеніе олицетворенія въ языкѣ — очевидно: придавая жизнь предметамъ бездушнымъ, оно сообщаетъ языку тотъ поэтическій оттѣнокъ, который составляетъ существенное достоинство языка, какъ выразителя человѣческаго духа. Замѣтимъ, между прочимъ, что *олицетвореніе* въ языкѣ не есть изобрѣтеніе отдѣльныхъ личностей, но такое же присущее языку свойство, какъ и тропы: объясненіе просопопеи слѣдуетъ искать въ томъ первоначальномъ поэтическомъ творчествѣ народа, которому одолженъ происхожденіемъ своимъ самый *языкъ.*—Олицетвореніе, равно какъ и гипербола—должны быть отнесены къ ученію о рѣчи.

§ 59. Независимо отъ выбора словъ, зависящаго отъ происхожденія и значенія ихъ въ современномъ языкѣ, есть еще выборъ *историческій*, зависящій отъ того измѣненія, которое претерпѣваютъ слова въ историческомъ движеніи языка; это измѣненіе ихъ — по времени. Въ этомъ историческомъ движеніи языка замѣчается: а) что одни слова, съ теченіемъ времени, ветшаютъ и мало по малу выходятъ изъ употребленія; в) наоборотъ, что слова, обветшавшія и нѣкогда вышедшія изъ употребленія, снова появляются въ языкѣ, благодаря авторитету великихъ писателей, оцѣнившихъ ихъ достоинство; с) что являются въ языкѣ слова новыя, вновь составленныя, съ цѣлію выразить тѣ предметы и понятія, которыхъ не было прежде и для которыхъ, слѣдовательно, не было и готовыхъ названій. Слова выходящія, изъ употребленія или наоборотъ, входящія въ употребленіе изъ старины, называются *архаизмами*; слова, вновь составленныя для выраженія новыхъ предметовъ и понятій, — *неологизмами*; д) что слова, бывшія до того мѣстными, областными, становятся достояніемъ языка общаго, литературнаго, это—*провинціализмы*; и наконецъ е) что въ литературномъ языкѣ появляются слова чужія, т. е. взятыя изъ иностранныхъ языковъ, это—*варваризмы.*

§ 60. Допущеніе такихъ словъ въ языкѣ, какъ неологизмы и варваризмы,—объясняется двумя условіями: или слова эти отличаются выразительностію и силою,—или же появляются они въ языкѣ по необходимости, восполняя недостатокъ природныхъ словъ. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ право на употребленіе ихъ въ языкѣ подтверждается, съ одной сторонѣ—авторитетомъ тѣхъ писателей, которые вводятъ ихъ въ употребленіе, съ другой—тою легкостію, съ которою новое или иностранное слово входитъ во всеобщее употребленіе; послѣднее обстоятельство, по-мимо всякаго обсужденія, составляетъ вѣрный признакъ, что слово акклиматизировалось, пришлось ко-двору, (какъ говорится) и что волею или неволею—мы обязаны дать ему мѣсто въ лексиконѣ роднаго языка. Что же касается до архаизмовъ и провинціализмовъ,—то замѣтимъ: а) въ исторіи языка есть своего рода преемственность, по которой переходъ языка древняго въ новый, и новаго въ новѣйшій—въ дѣйствительности далеко не такъ замѣтенъ, какъ въ теоріи; такимъ образомъ *архаизмы* состоятъ въ кровномъ родствѣ съ современнымъ языкомъ, какъ его старшіе представители, и должны быть названы не столько словами *обветшалыми* (какъ это принято), сколько просто словами *древними*. b) Хотя въ исторіи языка обыкновенно одно изъ нарѣчій становится господствующимъ и, поэтому, литературнымъ (напримѣръ, московское), но живая связь литературнаго языка съ областными такъ же не прерывается, какъ административная или торговая связь удаленныхъ губерній съ центромъ. Такимъ образомъ на *провинціализмы* слѣдуетъ смотрѣть, какъ на источники, которые, не составляя главнаго русла,—тѣмъ не менѣе снабжаютъ главную рѣку своими обильными, свѣжими водами.

§ 61. Какъ древній, такъ и областной русскій языкъ въ лексическомъ отношеніи хранитъ въ себѣ множество словъ, достоинства и выразительности которыхъ можно не подозрѣвать развѣ только *по незнанію*: даровитѣйшіе представители нашей литературы, Ломоносовъ, Жуковскій, Карамзинъ, Пуш-

кинъ и многіе другіе — пользовались этою сокровищницею языка для обогащенія русской рѣчи. Приводимъ нѣкоторые архаизмы, введенные въ русскую рѣчь вышепоименованными писателями: у Ломоносова — *Ветхій деньми* вмѣсто Богъ; гнѣвъ на кротость *преложить*; *стерть* гордыню сопостатовъ; *внушить гласъ* народовъ многихъ. У Жуковскаго: защитой *бо* града единый былъ Гекторъ; но.... *богамъ отвратившимся* (dat. absol.), поздно ввѣряться надеждѣ. У Пушкина: *да правлю* я во славѣ своей народъ; царю *едино зримый*, *зане* святый Владыка предъ царемъ во храминѣ тогда не находился; ты мнѣ была единственной святыней, *предъ ней же* я притворствовать не смѣлъ. Карамзинымъ въ особенности употреблены многіе удачные архаизмы (въ Исторіи Государства Россійскаго): *) *страшило* вмѣсто привидѣнія, *домовитый* вмѣсто имѣющій домъ, собственникъ; объявить *подъ крестомъ* вмѣсто подъ присягою; *пойти въ дань* вмѣсто собирать налоги; *клѣть* вмѣсто горница; *обѣльный* холопъ, вмѣсто полный; *остроги* вмѣсто деревянной ограды; *пороки* т. е. стѣнобитныя орудія; *ротникъ*, т. е. присягнувшій (ротитися); *новоукъ* вмѣсто новичекъ; *житый* вмѣсто именитый, *туга* вмѣсто печаль; *въ разсудъ* вмѣсто для разсужденія и множество другихъ. „Если мы сличимъ, говоритъ профессоръ Буслаевъ, архаизмы у Ломоносова, у Карамзина и у Пушкина, „увидимъ естественную послѣдовательность, съ какою вкоренялись они въ письменный языкъ. Старинныя формы въ одахъ Ломоносова и въ Исторіи Государства Россійскаго иногда останавливаютъ читателя, ибо не вездѣ связываются органически съ предъидущимъ и послѣдующимъ: Пушкинъ внутреннею, живою связью связалъ славянизмы съ народною рѣчью.“ Изъ этихъ словъ почтеннаго ученаго мы можемъ заключить: а) что явленіе и употребленіе въ языкѣ архаизмовъ стоитъ въ связи съ изученіемъ и вліяніемъ памятни-

---

*) Пользуемся указаніемъ профессора Буслаева въ его книгѣ «О преподаваніи отечественнаго языка».

ковъ славянскаго и стариннаго языка, и b) что оцѣнка архаизма опредѣляется „внутреннею, живою связью съ народною рѣчью."

§ 62. Провинціализмы, какъ и архаизмы, составляютъ въ языкѣ элементъ необходимый: современный языкъ нашъ, какъ было указано выше (§ 53), состоитъ въ кровномъ родствѣ съ архаизмами и провинціализмами; при изученіи языка неизбѣжны какъ тѣ, такъ и другіе. Ни древнія наши лѣтописи, ни новѣйшіе писатели не могли избѣжать употребленія провинціализмовъ по той причинѣ, что лѣтописи составлялись въ разныхъ областяхъ нашей обширной территоріи и, стало быть, сами представляли матеріалъ различныхъ провинціализмовъ. Затѣмъ, многіе изъ писателей новѣйшаго періода литературы или по рожденію, или по воспитанію принадлежали къ той или другой области, болѣе или менѣе удаленной отъ центровъ: таковъ Ломоносовъ, уроженецъ Архангельскаго края; таковъ Державинъ—уроженецъ Казани; таковъ, наконецъ, Гоголь—Малороссъ по рожденію и воспитанію. Одни изъ писателей могли вносить въ языкъ элементъ провинціальный безсознательно, какъ стихію родную, привычную; другіе—сознательно, ради обогащенія языка литературнаго, всегда болѣе отличающагося чистотою, чѣмъ богатствомъ словъ и выраженій. Вотъ примѣры нѣкоторыхъ провинціализмовъ: *въ древнихъ памятникахъ*: Днѣпръ *распаливается*, т. е. разливаясь, выступаетъ изъ береговъ (Ипат. лѣт.); *доспѣть*=сдѣлать (Новгор. лѣт.), *баня*=верхъ (въ Бѣлорусскомъ нарѣчіи), *пуща*=лѣсъ (у Нестора). У писателей: у Державина: „въ царствахъ *инших*ъ вмѣсто иныхъ (Малор. и Польск.); то же слово встрѣчается и у Ломоносова. У Пушкина: *свычаи* и *обычаи* (Польская поговорка: она же является и въ словѣ о П. Иг.) У Гоголя, въ его разсказахъ „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки", провинціализмовъ такъ много, что авторъ для объясненія ихъ долженъ былъ приложить къ своей книгѣ небольшой словарь.

Въ заключеніе о провинціализмахъ, а именно о практическомъ ихъ примѣненіи къ современному языку, скажемъ словами того же проф. Буслаева: „Какъ изученіе стариннаго нашего языка роднитъ насъ съ нашими предками, такъ изученіе провинціализмовъ сближаетъ и дружитъ насъ съ нашими соотечественниками всѣхъ концовъ Россіи. Наука никакъ не можетъ предписать, сколько и что можетъ и должно войти въ языкъ письменный изъ областныхъ нарѣчій: русское чутье всякаго оцѣнитъ по достоинству каждый провинціализмъ, геніальный писатель можетъ внести въ письменный языкъ со всѣхъ сторонъ нашего отечества столько выраженій, что мы и представить себѣ не можемъ". (О препод. отечест. яз., стр. 467),

§ 63. *Варваризмы*, равно какъ и провинціализмы, объясняются исторіею языка: сближеніе одного народа съ другимъ необходимо оказываетъ вліяніе и на языкъ, и при томъ такъ, что языкъ народа, выше стоящаго по своей цивилизаціи, подчиняетъ себѣ до нѣкоторой степени языкъ народа, цивилизація котораго стоитъ ниже. Таково было вліяніе на нашъ языкъ—языка греческаго, вслѣдствіе вліянія христіанства, принятаго нами отъ Грековъ; вліяніе языка латинскаго, благодаря распространенію схоластической науки сперва въ юго-западной, а потомъ и въ сѣверо-восточной Руси; далѣе—вліяніе языковъ западно-европейскихъ: голландскаго, нѣмецкаго, —въ эпоху Петра Великаго; наконецъ — французскаго, въ прошломъ столѣтіи. Такое множество и разнообразіе вліяній, казалось, могло бы совершенно исказить лексикологію и фразеологію роднаго языка; однако на дѣлѣ этого не оказалось: природное чутье русскаго человѣка съ одной стороны, и обработка русскаго языка лучшими писателями — съ другой— дали варваризмамъ въ языкѣ надлежащее мѣсто. *Грецизмы*, т. е. варваризмы, заимствованные изъ языка греческаго, ограничились областью церковною; сюда относятся напр. митрополитъ, архіерей, діаконъ, монахъ, епитрахиль, паникадило. (Н обыкновенно не произносится) и проч. Грецизмы и частію —*Латинизмы*—оставались принадлежностью рѣчи ученой до настоящаго столѣтія, когда началъ вырабатываться русскій

ученый слогъ. Теперь они встрѣчаются преимущественно въ терминахъ—грамматическихъ, риторическихъ, философскихъ; сюда, кромѣ названій самихъ наукъ, относятся: синонимъ, тропъ, аналогія, анализъ, силлогизмъ, комедія, трагедія, интеллигенція, юридическій, комбинація, инициатива, идея; раціональный, аттрибутъ, фигура, субъектъ, объектъ, реальный, номинальный и проч. Особенное вторженіе варваризмовъ въ русскую рѣчь совершилось въ эпоху Петра Великаго по причинѣ, которую называть было бы излишне. Варваризмы эти частію завоевали себѣ у насъ право гражданства, частію вытѣснены словами народными. Къ числу первыхъ принадлежатъ: гвардія, маневръ, лагерь, свита, монета, рота, солдатъ, генералъ и проч. чины, рапортъ, губернаторъ, комендантъ, паспортъ и т. п. Къ числу вытѣсненныхъ, или замѣненныхъ —слѣдующія: кондуитъ (поведеніе: однако начинаютъ говорить „кондуитный списокъ“), квалитетъ=качество, абшидъ=отпускъ, дедикація=приношеніе, амбиція=честолюбіе, коммуникація=сообщеніе, максимы=правила и проч.

Въ настоящее время число варваризмовъ уменьшается въ той мѣрѣ, въ какой увеличивается изученіе и употребленіе роднаго языка. Такъ какъ, однако, съ развитіемъ языка, вырабатывается и слогъ для всевозможныхъ понятій и предметовъ, то ясно, что собственно варваризмы, т. е. иностранныя слова, сдѣлавшіяся терминами, должны быть разсматриваемы, какъ архаизмы своего рода: давность и всеобщность ихъ существованія въ языкѣ составляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и ихъ право.

§ 64. Строго говоря, къ варваризмамъ должны быть отнесены и *славянизмы*; но а) исключительное положеніе славянскаго языка, какъ языка церкви и в) родственная близость его русскому языку — даютъ имъ какъ бы нѣкоторую привиллегію въ этомъ отношеніи.

Съ древнѣйшихъ временъ, нѣкоторые изъ славянизмовъ до такой степени вошли въ составъ нашего языка, что объ исключеніи ихъ не можетъ быть и рѣчи, а всякая попытка къ

исключенію или замѣнѣ — можетъ возбудить смѣхъ. Таковы напр., реченія: *прежде* вмѣсто преже, *краткій*, *сладкій*, *храмъ*, *правъ* и т. п. Тѣ же изъ славянизмовъ, о которыхъ говорили мы въ § 54, или вовсе не привились къ русскому языку, какъ напр. дательный самостоятельный,—или же сдѣлались достояніемъ рѣчи проповѣднической.

§ 65. Послѣднее мѣсто какъ по объему, такъ и по значенію въ ряду словъ, разбираемыхъ нами, принадлежитъ—*неологизмамъ*, т. е. словамъ, вновь составленнымъ, къ которымъ могутъ быть отнесены и слова *переводныя*; оба вида неологизмовъ являются вслѣдствіе являющейся въ обществѣ нужды—дать наименованіе такимъ понятіямъ и предметамъ, которые возникаютъ съ развитіемъ цивилизаціи и общественной жизни. Въ исторіи такихъ неологизмовъ замѣчается тотъ законъ, что неологизмы переводные въ употребленіи обладаютъ видимымъ преимуществомъ сравнительно съ собственными неологизмами. Когда Карамзинъ преобразовывалъ русскую рѣчь подъ вліяніемъ французскаго языка (еще до появленія его Исторіи Гос. Росс.), онъ весьма счастливо перевелъ съ буквальною точностію нѣкоторыя французскія слова, которыя теперь сдѣлались общимъ достояніемъ нашей рѣчи; таковы напр. *вліяніе* (influence), *сосредоточить* (concentrer), трогательный (touchant) и проч. Сюда же можно отнести и многія другія слова, надъ которыми смѣялся Шишковъ (противникъ Карамзина по слогу) и руссофилы того времени, но которыя тѣмъ не менѣе вполнѣ усвоены въ русскомъ языкѣ настоящаго времени; таковы, кромѣ вышеприведенныхъ, *моральный*, *эстетическій*, *эпоха*, *сцена*, *гармонія*, *акція*, *энтузіазмъ*, *катастрофа* и проч. Напротивъ, слова, которыми руссофилы хотѣли замѣнить эти и имъ подобные неологизмы, не только не вошли во всеобщее употребленіе, но даже возбуждали смѣхъ своею неуклюжестью, какъ напр. *мокроступы* вмѣсто галоши, *носопрятъ* вмѣсто кашнэ и т. п. Явленіе это вѣроятно, объясняется тѣмъ, что новое слово — для того, чтобъ сдѣлаться достояніемъ языка, должно быть вполнѣ на-

роднымъ (какъ напр. новоизобрѣтенное слово „чугунка“, получившее у насъ право гражданства), а не быть изобрѣтеніемъ одного лица, хотя бы лице это и обладало великою ученостью. Дѣйствительно, слова, которыя придумывали шишкописты и руссофилы, отличались какою-то безжизненностію, безцвѣтностію, хотя и передавали чужое понятіе съ возможною точностію. Карамзинъ съ своими переводными неологизмами, имѣлъ то большое преимущество, что переводилъ изъ нихъ тѣ, которыхъ въ нашемъ языкѣ дѣйствительно недоставало, и, не стараясь ломать сложеніе и образованіе русскихъ словъ на чужой ладъ, бралъ иныя слова цѣликомъ изъ языка иностраннаго.

§ 66. Въ заключеніе ученія объ архаизмахъ, варваризмахъ и неологизмахъ, скажемъ, что въ выборѣ словъ русской рѣчи необходимо избѣгать двухъ крайностей. Какъ съ одной стороны не слѣдуетъ украшать рѣчи *архаизмами* сомнительнаго достоинства, такъ—съ другой—не нужно пестрить ее безъ надобности словами *иностранными*, для которыхъ имѣются соотвѣтствующія слова въ русскомъ языкѣ. Истинная заботливость о чистотѣ языка, истинный *пуризмъ* — основывается на любви къ родному языку. Но этой любви не противорѣчитъ развитіе роднаго языка, сообразное съ потребностями подвигающейся цивилизаціи. Поэтому, какъ ни дороги для насъ родные *идіомы*, т. е. слова и обороты, свойственные только русскому языку,—мы не можемъ быть *противъ* введенія тѣхъ иностранныхъ словъ, которымъ не могло быть у насъ соотвѣтствующихъ, „для невѣдѣнія многихъ вещей и дѣйствій, ученымъ народамъ извѣстныхъ“, по выраженію Ломоносова.

§ 67. ***Расположеніе*** словъ, или распорядокъ ихъ въ предложеніи, пользуется въ нашемъ языкѣ значительною свободою. Члены предложенія располагаются соотвѣтственно его значенію: въ предложеніи простомъ второстепенные члены, т. е. опредѣленія и дополненія, группируются около главныхъ, подлежащаго и сказуемаго, т. е. на первомъ мѣстѣ ставится подлежащее съ относящимися къ нему словами, а на второмъ — сказуемое — съ своими второстепенными членами. Такимъ образомъ, согласно логическому разбору предложенія, послѣ логическаго подлежащаго ставится логическое сказуемое, при чемъ члены, зависящіе отъ подлежащаго и сказуемаго, могутъ стоять и передъ ними, и послѣ нихъ. Слова обстоятельственныя, хотя и ставятся чаще въ началѣ предложенія, однако также могутъ свободно перемѣнять свое мѣсто. Впрочемъ, обстоятельства неопредѣленныя, въ родѣ *однажды*, *какъ-то—разъ* ставятся въ началѣ предложенія; но обстоятельства опредѣленныя, напримѣръ *въ 1812 году*, *въ Москвѣ* и т. п. ставятся и въ началѣ, и въ концѣ предложенія. Этотъ естественный порядокъ измѣняется каждый разъ по требованію смысла: сказуемое ставится послѣ подлежащаго, опредѣлительное—послѣ опредѣляемаго слова, дополненіе передъ глаголомъ,—смотря по тому, на какой членъ предложенія мы желаемъ обратить вниманіе читателя; въ особенности свободно дѣлаются перемѣщенія въ предложеніи вопросительномъ, гдѣ обыкновенно на первомъ мѣстѣ полагается то слово, на которомъ сосредоточивается удареніе; если, напримѣръ, предложеніе „ты былъ вчера въ театрѣ“ превратить въ вопросительное, то оно можетъ принять столько формъ, сколько въ немъ членовъ, а именно: 1) ты-ли былъ вчера въ театрѣ? 2) былъ-ли ты вчера въ театрѣ? 3) вчера-ли ты былъ въ театрѣ? 4) въ театрѣ-ли былъ ты вчера?

Вотъ образцы какъ естественнаго, такъ и измѣненнаго расположенія членовъ въ предложеніи простомъ:

1) Жара заставила насъ наконецъ войти въ рощу (естествен. порядокъ).

Турген.

2) Волшебными подводными островами тихо наплываютъ и тихо проходятъ бѣлыя круглыя облака (измѣненный порядокъ).

Турген.

Въ предложеніи *сложномъ*—подобною-же свободою расположенія пользуется предложеніе *придаточное и вводное*, которыя ставятся и въ началѣ, и въ срединѣ, и въ концѣ предложенія. Въ этомъ случаѣ обыкновенно наблюдается лишь то, чтобы придаточное находилось недалеко отъ соотвѣтствующаго члена предложенія главнаго, для избѣжанія неясности или двусмысленности. Болѣе подробныя правила, касающіяся расположенія членовъ въ предложеніи сложномъ, будутъ указаны ниже, въ ученіи о періодѣ.

b) ученіе о рѣчи.

§ 68. *Рѣчью* вообще называется соединеніе нѣсколькихъ предложеній, имѣющихъ между собою внутреннюю связь и представляющихъ поэтому нѣчто цѣлое. Внутренняя связь предложеній дается главною мыслію или цѣлію автора. *Выраженіе* этой связи или этого единства посредствомъ слова—составляетъ предметъ этой части стилистики.

§ 69. Характеръ рѣчи всегда находится въ зависимости отъ двухъ условій: предмета рѣчи и личности автора. Изъ взаимодѣйствія обоихъ условій образуется то, что мы называемъ—*слогомъ*. Изъ этого видно, что перечислить всѣ виды слога—было-бы дѣломъ невозможнымъ; но можно указать на тѣ свойства слога, которыя болѣе или менѣе общи всѣмъ произведеніямъ, или которыя должны быть цѣлію всякаго сочиненія, каковъ-бы ни былъ предметъ, и кто-бы ни былъ его авторъ.

§ 70. Основнымъ требованіемъ для всякой рѣчи должна быть признана грамматическая ея *правильность*, которая находится въ такомъ-же отношеніи къ другимъ требованіямъ отъ рѣчи, въ какомъ грамматика находится въ стилистикѣ; это—conditio, sine qua non.

Но грамматическая правильность, очевидно, еще не исчерпываетъ всѣхъ условій изящной рѣчи: правила этимологіи и

синтаксиса могутъ быть соблюдаемы и въ ученическомъ сочиненіи, которое однако далеко не образцовое. Первое стилистическое условіе, послѣ правильности, состоитъ въ томъ, чтобы рѣчь выражала именно ту мысль или чувство, какія имѣлъ въ виду авторъ,—и притомъ, именно въ той мѣрѣ, въ какой онъ этого желалъ: другими словами—рѣчь должна отличаться *ясностію* и *точностію*. Ясностію называется то свойство рѣчи, по которому читатель безъ труда понимаетъ то, что хотѣлъ сказать авторъ: мы, конечно, разумѣемъ тѣхъ читателей, для которыхъ сочиненіе предназначается; точностію—то свойство, по которому каждое слово выражаетъ именно то понятіе, которому оно соотвѣтствуетъ, и не можетъ быть, безъ ущерба, ни выпущено, ни замѣнено другимъ. Точность рѣчи пріобрѣтается изученіемъ и упражненіемъ той стороны языка, которую назвали мы стилистикою предложенія; ибо кто съумѣетъ *выбрать* слова, соотвѣтствующія его понятіямъ, и *расположить* ихъ въ надлежащемъ порядкѣ,—тотъ, слѣдовательно. съумѣетъ выразиться точно. Но умѣнье выбрать и расположить слова въ рѣчи, въ свою очередь, зависитъ отъ того, на сколько самъ авторъ уяснилъ себѣ свои мысли, усвоилъ ихъ.

Такимъ образомъ: ясность слога зависитъ отъ ясности мышленія, а его точность—отъ знанія языка, на которомъ авторъ выражается; ясность относится къ точности, какъ логика въ стилистикѣ; первая больше относится къ внутренней, послѣдняя—къ внѣшней сторонѣ рѣчи.

Примѣчаніе къ § 70.

Понятія *ясность* и *точность* могутъ быть разграничены между собою такъ: это двѣ стороны одного и того-же свойства слога; *яснымъ* долженъ быть слогъ для читателей,—*точнымъ*—для автора; авторъ выражается *точно*, когда избираетъ слова, соотвѣтствующія своимъ понятіямъ; авторъ выражается *ясно*, если въ выраженіяхъ своихъ заботится о томъ, чтобы его поняли. Поэтому, не смотря на близкое отношеніе ясности и точности, по которому одно является какъ-

бы слѣдствіемъ другаго,—между ясностію и точностію слога есть различіе: въ сочиненіяхъ популярныхъ, гдѣ научныя истины стараются сдѣлать доступными массѣ;—въ педагогической практикѣ, когда нужно растолковать ребенку какое-либо отвлеченное понятіе—*точность* приносится иногда въ жертву *ясности*: точный выборъ словъ въ этомъ случаѣ могъ бы затруднить читателей и слушателей, — и авторъ, употребляя слова и выраженія болѣе ясныя и простыя, чѣмъ точныя, такъ сказать, нисходитъ къ пониманію тѣхъ, для кого рѣчь его назначается.

Пояснимъ сказанное примѣромъ. Павловъ, въ разсужденіи своемъ „о различіи между изящными искусствами и науками“ говоритъ: „Этотъ міръ понятій, отраженіе предметовъ въ умѣ, есть область наукъ; другими словами: науки суть умственныя картины предметовъ нашего познанія“ (Христ. Гал. ч. 1, стр, 298, изд. 1868 г.).

Выраженіе „другими словами“ показываетъ, что авторъ желалъ упростить свою мысль, т. е. сдѣлать ее доступнѣе, яснѣе: однако въ точности мысль проиграла, потому-что выраженіе „умственныя картины“—уже и одностороннѣе по своему значенію, нежели „отраженіе предметовъ въ умѣ“,—хотя и послѣднее выраженіе только приблизительно точно.

§ 71. Если ясность и точность составляютъ принадлежность отдѣльныхъ словъ, и черезъ нихъ — цѣлой рѣчи, то *чистота* составляетъ условіе изящества цѣлыхъ оборотовъ и выраженій. Условіе это требуетъ, чтобы всѣ обороты и выраженія *соотвѣтствовали духу того языка*, на которомъ сочиненіе пишется. Каждый языкъ, какъ выраженіе духовной дѣятельности народа, имѣетъ, такъ сказать, свою національную физіономію,—свойственные ему одному обороты и выраженія мысли. Эти особенности языка называются *идіотизмами* и объясняются самымъ образованіемъ языка: каждый народъ называетъ предметы и дѣйствія по тому впечатлѣнію, какое они производятъ, такъ-что каждое слово, въ строгомъ смыслѣ, есть уже идіомъ: напримѣръ, если мы ла-

тинское homo переводимъ *человѣкъ*, франц. importance словомъ *важность*, нѣм. zweifeln—*сомнѣваться*,—то это только переводъ приблизительный, потому-что въ словѣ homo мы не передаемъ понятія *земли, почвы* (humus), въ словѣ—importance—понятія *ношу* (porte), а въ словѣ zweifeln—понятія *два* (zwei); исключенія представляютъ только слова одного корня, напримѣръ frater, Bruder, frére=братъ.

Сказанное объ отдѣльныхъ словахъ, съ еще большимъ основаніемъ, относится къ цѣлымъ оборотамъ, къ цѣлой рѣчи.

Переводя слово съ иностраннаго языка на родной, мы, въ силу привычки, не думаемъ, что переводимъ только приблизительно точно (чему, между прочимъ, способствуетъ и незнаніе *корней* въ практическомъ употребленіи языка); но, передавая на родной языкъ цѣлую иностранную рѣчь, мы ясно начинаемъ сознавать, что форма мысли иностраннаго языка и роднаго—далеко не одна и та-же. Хотя эта форма должна быть знакома каждому упражнявшемуся въ переводахъ, но пояснимъ сказанное примѣрами: 1) въ *латинскомъ* языкѣ—vitam per maximam gloriam agere=проводить жизнь съ величайшею славою; addicere se in servitutem=отдавать себя въ рабство; annus agitur=годъ идетъ; bono animo esse=быть въ хорошемъ расположеніи духа; occasioni deesse=упускать благопріятный случай и т. д. 2) во французскомъ языкѣ: accorder la permission=дать согласіе; gagner sa vie=зарабатывать хлѣбъ; devant chez nous=передъ нашимъ домомъ; être bien aise=радоваться; avoir raison=быть праву и т. д.

Приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы видѣть, что каждому языку свойственно свое выраженіе одной и той-же мысли. Знать эти свойства и умѣть прикладывать ихъ къ дѣлу—значитъ соблюдать *чистоту* языка.

Русскій языкъ, не менѣе всякаго другаго, богатъ особенностями, *идіомами*, непереводимыми на другой языкъ. Идіомы эти важны и дороги потому, что выражаютъ собою складъ русскаго ума, такъ сказать, мельчайшія, едва улови-

мыя черты его физіономіи.—Выше видѣли мы, что Карамзинъ дорожилъ этими идіомами, стараясь заимствовать ихъ изъ древнихъ памятниковъ; но въ его стремленіи обогатить родной языкъ—была значительная доля искусственности, а собственное его воспитаніе способствовало изученію скорѣе чужихъ, чѣмъ своихъ идіомовъ. Писатель, который какъ по обстоятельствамъ своего воспитанія, такъ и по роду таланта,—представилъ намъ русскіе идіомы во всей ихъ свѣжести и полнотѣ—былъ Крыловъ. Приведемъ нѣсколько такихъ оборотовъ изъ его басенъ: 2) *на ту бѣду* Лиса близехонько (Ворона и Лиса) бѣжала, 2) съ нимъ (съ сыромъ) *была* плутовка *такова*, 2) а *все за все* спасибо мнѣ (Роща и Огонь), 4) тогда-то будетъ намъ о чемъ *повесть словечко* (Два Голубя), 5) и подлинно—какъ *жаръ*,—Червонецъ *заигралъ* (Червонецъ) 6) вотъ новый Геркулесъ, *со всей собравшись силой*, *отнесъ* полчерепа медвѣдю топоромъ (Крестьянинъ и работникъ), 7) у льва, *какъ гору съ плечъ*, *свалило* (Воспит. льва), 8) изъ *кожи лѣзутъ* вонъ, а возу все нѣтъ ходу (Лебедь, Щука и Ракъ, 9) ..изъ *избы не вынесено сору* (Пустынникъ и Медвѣдь). 10) .... *словцо* о немъ (о волкѣ) *замолвлено* у Львицы (Мірская сходка).

§ 72. Идіотизмы, указанные нами у Крылова, составляютъ обыкновенную принадлежность произведеній народныхъ, т. е. такихъ, въ которыхъ по-преимуществу выражается народный бытъ, народныя воззрѣнія и языкъ. Что касается до языка литературнаго, то въ немъ эти идіотизмы *сглаживаются*, или—другими словами: элементы, свойственные родному языку, уравновѣшиваются съ тѣми способами выраженія, которые болѣе или менѣе общи всѣмъ языкамъ европейскимъ. Вслѣдствіе этого вліянія европейскихъ литературъ на нашъ языкъ, современная литературная наша рѣчь отличается нѣкоторою безцвѣтностію и ровностію слога, въ ней мало идіотизмовъ, но мало и варваризмовъ; чистота рѣчи въ наше время состоитъ именно въ соблюденіи такого колорита, такого

характера въ слогѣ, который бы не бросался въ глаза никакими, рѣзко выдающимися особенностями *).

§ 73. Свойства рѣчи, о которыхъ мы говорили въ предъидущихъ параграфахъ, (ясность, точность и чистота) могутъ быть названы *общими*, по-скольку они составляютъ принадлежность каждаго сочиненія, къ какому бы роду оно ни относилось: всякій, пишущій о какомъ нибудь предметѣ, обязанъ выполнить эти требованія слога для того, чтобы рѣчь его была удовлетворительна. Но, чѣмъ оригинальнѣе талантъ, тѣмъ больше характеристическихъ особенностей въ его слогѣ. Изучая произведенія писателей, рѣчь которыхъ отличается великою художественностію, (Гоголя, Тургенева и проч.) мы замѣчаемъ въ нихъ еще два важныя свойства слога: *изобразительность* и *благозвучіе*. Принимая слово *изобразительность* въ обширномъ смыслѣ, мы должны признать, что всякая хорошая рѣчь до нѣкоторой степени отличается этимъ качествомъ: изобразительность заключается въ природѣ самаго языка, въ которомъ слова, обозначая понятія, въ то же время содержатъ въ себѣ и образъ. Но во 1) съ теченіемъ времени это свойство изобразительности мало по малу теряется, потому что элементъ логическій беретъ перевѣсъ надъ элементомъ поэтическимъ: слово въ наше время не столько говоритъ нашему воображенію, сколько понятію, — и мы должны дѣлать извѣстное усиліе, чтобъ возсоздать передъ собою тотъ образъ, который заключается въ словѣ; во 2) весьма часто, самый предметъ и цѣль сочиненія заставляютъ автора дѣйствовать скорѣе на умъ, чѣмъ на воображеніе читателя, т. е. больше заботиться о ясности, точности и чистотѣ языка, чѣмъ о его изобразительности. Поэтому, изобразительностію, въ тѣсномъ смыслѣ слова, называется то свойство рѣчи, по которому мысль или чувство автора не только яс-

---

*) Какъ на исключенія въ наше время, можно указать на Аксакова, Тургенева и Л. Толстаго: эти писатели съумѣли остаться оригинальными, сохранивъ всю чистоту языка.

но понимаются, но и *живо представляются* воображенію читателя.

Это свойство можно было бы по справедливости назвать *поэтическою живописью*, пластикою въ словѣ. Рѣчь достигаетъ этой изобразительности тогда, когда языкъ перестаетъ быть только средствомъ для выраженія мысли, но сливается съ этою мыслію, какъ тѣло съ душею; другими словами, когда языкъ и мысль, взаимно проникая другъ друга, составляютъ одно органическое единство. Для того, чтобы дать понятіе о высокомъ достоинствѣ такой поэтической рѣчи, прочтемъ по небольшому отрывку изъ описаній Гоголя и Тургенева. Изъ описанія сада, Гоголя: „Зелеными облаками и неправильными, трепетолистными куполами лежали на небесномъ горизонтѣ соединенныя вершины разросшихся на свободѣ деревъ. Бѣлый колоссальный стволъ березы, лишенный верхушки, отломленной бурею или грозою, подымался изъ этой зеленой гущи и кружился въ воздухѣ, какъ правильная мраморная, сверкающая колонна; косой, остроконечный изломъ его, которымъ онъ оканчивался къ верху, вмѣсто капители, темнѣлъ на снѣжной бѣлизнѣ его, какъ шапка или черная птица. Хмѣль, глушившій внизу кусты бузины, рябины и лѣснаго орѣшника и пробѣжавшій потомъ по верхушкѣ всего частокола, взбѣгалъ наконецъ вверхъ и обвивалъ до половины сломленную березу. Достигнувъ середины ея, онъ оттуда свѣшивался внизъ и начиналъ уже цѣплять вершины другихъ деревъ; или же висѣлъ на воздухѣ, завязавши кольцами свои тонкіе, цѣпкіе крючья, легко колеблемые воздухомъ“. А вотъ другой образецъ изъ описанія рощи, Тургенева: „Удивительно пріятное занятіе—лежать на спинѣ въ лѣсу и глядѣть вверхъ. Вамъ кажется, что вы смотрите въ бездонное море; что оно широко разстилается подъ вами; что деревья не поднимаются отъ земли, но, словно корни огромныхъ растеній, спускаются, отвѣсно падаютъ въ тѣ стеклянно-ясныя волны; листья на деревьяхъ то сквозятъ изумрудами, то сгущаются въ золотистую, почти черную зелень; гдѣ нибудь, далеко-далеко, оканчивая собою тонкую вѣтку, неподвижно стоитъ отдѣльный листокъ на голубомъ клочкѣ прозрачнаго неба, и рядомъ съ нимъ качается другой, напоминая своимъ движеніемъ игру рыбьяго плеса, какъ будто движеніе то самовольное и не производится вѣтромъ. Волшебными подводными островами тихо наплываютъ и тихо проходятъ бѣлыя круглыя облака.... и вотъ вдругъ все это море, этотъ лазурный воздухъ, эти вѣтки и листья, обагренныя солнцемъ, все заструится, задрожитъ бѣглымъ блескомъ, и поднимется свѣжее, трепещущее лепетаніе, похожее на безконечный мелкій плескъ набѣжавшей зыби“. (Христ. Галах. ч. II. стр. 10 и 20, изд. 1868 г.)

Въ описаніяхъ этихъ — каждое слово — *образъ*, каждое выраженіе *картина*,

§ 74. Разбирая пріемы, употребляемые въ языкѣ съ цѣлію изобразительности, мы находимъ слѣдующіе: а) *сравненія* и *уподобленія* (уподобленіе можно разсматривать, какъ сокращенное сравненіе): такъ Гоголь въ описаніи сада, верхушки деревъ сравниваетъ съ зелеными облаками, стволъ березы — съ мраморною колонной. Тургеневъ небо сравниваетъ съ бездоннымъ моремъ, лепетаніе листьевъ — съ водяною зыбью. Различіе между сравненіемъ и уподобленіемъ оказывается въ томъ случаѣ, когда писатель, сближая предметы для сравненія, или проводитъ цѣлую параллель между ними, какъ напримѣръ Тургеневъ — въ картинѣ голубаго неба, сближаемаго съ бездоннымъ моремъ; или же ограничивается сравнительно краткимъ указаніемъ, намекомъ на предметъ, которому данный предметъ уподобляется; таково напримѣръ у Гоголя уподобленіе излома березы шапкѣ или черной птицѣ, вѣтокъ вьющагося хмѣля — кольцамъ и крючьямъ. — Важнѣйшее условіе, при которомъ сравненіе и уподобленіе достигаютъ цѣли, или изобразительности, состоитъ въ томъ, чтобъ предметъ, съ которымъ данный сравнивается или которому уподобляется, былъ вполнѣ знакомъ читателю, такъ

какъ въ противномъ случаѣ, представленіе даннаго предмета не только не выиграетъ, но проиграетъ въ ясности.

§ 75. b) Какъ особый видъ сравненія, слѣдуетъ разсматривать *олицетвореніе*, или просопопею, о которомъ было говорено выше (§52). Здѣсь мы будемъ говорить объ олицетвореніи не какъ о принадлежности, свойственной языку вообще, но какъ о поэтическомъ пріемѣ, употребляемомъ писателемъ для большой изобразительности, слѣдовательно объ олицетвореніи *искусственномъ*. Описывая, или изображая извѣстный предметъ, писатель до такой степени можетъ быть проникнутъ идеею предмета, что послѣдній оживаетъ въ его воображеніи, т. е. начинаетъ принимать признаки, свойственные живому или даже разумному существу. Въ такомъ случаѣ мы имѣемъ *олицетвореніе*. Въ основѣ его, какъ видно, также должно быть сравненіе, потому что предметъ бездушный или же отвлеченный приравнивается существу живому; но существенное отличіе олицетворенія отъ сравненія состоитъ въ томъ, что въ первомъ случаѣ сходство сближаемыхъ предметовъ основывается на внутреннемъ ихъ единствѣ, на единствѣ идеи, возбуждаемой предметами, тогда какъ во второмъ — только на единствѣ образа, или формы; поэтому, въ олицетвореніи дается большій просторъ фантазіи, между тѣмъ какъ при сравненіи — фантазія строго ограничивается условіями дѣйствительнаго сходства между предметами. Объяснимъ сказанное примѣрами. Тургеневъ, сравнивая голубое небо съ бездоннымъ моремъ, заботится о выдержанности сравненія, т. е. о строгомъ соотвѣтствіи сравниваемыхъ частей: небо разстилается, какъ море, — поднимающіяся деревья напоминаютъ корни растеній, спускающихся въ море; голубое пространство неба уподобляется стеклянно-яснымъ волнамъ; бѣлыя облака напоминаютъ подводные острова и т. д. Какъ ни отчетливо это сравненіе, фантазіи поэта здѣсь мало мѣста: подробности сравненія даются самими предметами. Иное дѣло—олицетвореніе. Муравьевъ передаетъ впе-

чатлѣніе, произведенное на него видовъ бушующихъ волнъ водопада: „Дико и отрадно смотрѣть изъ нижней бесѣдки на шумное страданіе волнъ; съ какимъ ужасомъ скачутъ онѣ одна надъ другою, какъ бѣлое стало испуганныхъ овецъ! съ какимъ отчаяніемъ отрываются отъ пучины длинные плески, какъ сѣдые локоны, которые рветъ на себѣ терзаемый духъ этой бездны! и какъ наконецъ его измученныя дѣти, всѣ изрѣзанныя камнями, исторгшись изъ сего адскаго русла, одною широкою волною разстилаются по мягкому ложу. Если природа хотѣла олицетворить здѣсь чувство скрытаго въ ея нѣдрахъ ужаса,— она достигла цѣли и досказала его глухимъ ревомъ бурной стихіи. Человѣкъ, склоняясь надъ бездною, жадно прислушивается къ дикому говору волнъ и будто хочетъ разобрать, въ порывѣ отчаянія одной изъ стихій, тотъ дивный языкъ, который отъ него утаила природа подъ печатью безмолвнаго величія". (Христ. Галах. ч. I. стр. 4, 1868 г.) Въ этой картинѣ мы чувствуемъ, что авторъ находился подъ живымъ впечатлѣніемъ описываемыхъ предметовъ. Его фантазія возбуждена: въ глубинѣ водной бездны ему представляется живущимъ могучій, страдающій духъ, въ образѣ гиганта-старца, рвущаго на себѣ сѣдые локоны и проч. Ясно, что такимъ олицетвореніемъ авторъ не столько уясняетъ предметъ читателю, сколько сообщаетъ ему то душевное настроеніе, которое сложилось въ немъ подъ вліяніемъ разительной картины. Поэтому олицетвореніе отличается большею субъективностью. Вслѣдствіе этого авторъ мало заботится о *дѣйствительномъ* сходствѣ между предметами; его не останавливаетъ мысль, что сравненіе можетъ показаться слишкомъ смѣлымъ, или фантастическимъ: цѣль его — возбудить въ душѣ читатся тотъ же образъ, который сложился въ его собственной фантазіи. — Основаніемъ приведеннаго олицетворенія служитъ идея, высказываемая самимъ авторомъ во 2-й и 3-й части картины: идея, по которой природѣ свойственны не только чувства, испытываемыя человѣкомъ, но и языкъ, способный выразить эти чувства; другими словами—въ отно-

шеніи автора къ природѣ заключается то живое воззрѣніе на природу и ея явленія, которое такъ свойственно народной, первоначальной поэзіи. — Другимъ, равно прекраснымъ образомъ олицетворенія можетъ служить то мѣсто въ 1-й части Мертвыхъ душъ, гдѣ Гоголь, подъ вліяніемъ сильнаго патріотическаго одушевленія, уподобляетъ Русь быстро несущейся тройкѣ.... Само собой разумѣется, что оцѣнка олицетворенія труднѣе, чѣмъ оцѣнка сравненія; если въ олицетвореніи нѣтъ придуманности, или натяжки, то нужно самому проникнуться тѣмъ же лирическимъ чувствомъ, какимъ полонъ авторъ; только при такомъ условіи художественное достоинство олицетворенія будетъ вполнѣ понятно читателю.

§ 76. Совершенно инымъ характеромъ отличается с) *аллегорія*. Аллегорія есть распространенная метафора. Въ аллегоріи, какъ и въ метафорѣ, мысль уясняется посредствомъ переноса отъ отвлеченнаго къ наглядному, отъ невидимаго къ видимому. Но на сколько метафора есть безъискусственное явленіе, зависящее отъ свойствъ самаго языка, на столько аллегорія есть искуственное произведеніе, зависящее отъ цѣли самаго автора. Цѣль автора, по большей части, *практическая*: по-возможности живо и увлекательно представить уму читателя то или другое нравственное или житейское правило. Проникнутый важностію морали, предлагаемой читателю, авторъ намѣренно старается подобрать такіе предметы, а въ нихъ такія черты и свойства, которыя могли бы укоренить, запечатлѣть въ памяти читателя извѣстную истину. Эта преднамѣренность сообщаетъ аллегоріи ту холодность, ту сухость и безжизненность, которыя такъ несвойственны и чужды поэтическому олицетворенію. Поэтому аллегорію мы могли бы назвать *прозаическимъ олицетвореніемъ*. Это свойство аллегоріи подтверждается тѣмъ фактомъ, что первоначальная народная поэзія не знаетъ этой формы, и аллегорія является въ эпоху болѣе позднюю, какъ *поученіе*, облеченное въ поэтическую одежду. Произведенія, въ которыхъ аллегорія занимаетъ 1-е мѣсто, суть *басни*, такъ какъ цѣль послѣднихъ

есть именно мораль, передаваемая въ увлекательной формѣ. Примѣръ аллегоріи можетъ служить любая изъ басенъ Крылова, напр, „Пѣтухъ и жемчужное зерно: мораль басни состоитъ въ томъ, что люди невѣжественные не могутъ и не умѣютъ оцѣнить того, что выше ихъ собственнаго развитія. Такого невѣжественнаго человѣка изображаетъ — *пѣтухъ*; предметъ, котораго онъ не въ состояніи оцѣнить—есть *жемчужное зерно*, менѣе полезное для пѣтуха, чѣмъ ячменное. Не касаясь морали, въ истинности которой никто не усомнится, разберемъ аллегорію: сближеніе невѣжды и предмета, достоинства котораго онъ не въ состояніи понять (съ одной стороны) — и пѣтуха съ жемчужнымъ зерномъ (съ другой)— очень остроумно: *жемчужное зерно* весьма удачно совмѣщаетъ въ себѣ какъ значительную цѣнность для знатоковъ такъ и практическую непригодность его для пѣтуха. Но придуманность, или сухость аллегоріи заключается въ томъ, что во 1) отношеніе пѣтуха къ жемчугу такъ естественно и разумно, что не можетъ быть смѣшнымъ, и во 2) что жемчужное зерно, по ничтожному значенію своему въ глазахъ истинно-развитаго человѣка, не можетъ быть въ соотвѣтствіи съ тѣми предметами, которыхъ не понимаетъ невѣжда, и которые въ тоже время должны возбуждать глубокое уваженіе со стороны человѣка просвѣщеннаго.

§ 77. Средствомъ изобразительности служитъ также д) описаніе. *Описаніе*, по значенію своему, находится въ связи съ метонимiей: оно состоитъ въ замѣщеніи одного понятія однимъ или нѣсколькими признаками, входящими въ составъ его и способствующими къ болѣе наглядному его изображенію. Такимъ образомъ *описаніе* какъ бы переводитъ понятіе въ представленіе, чѣмъ и способствуетъ наглядности въ его изображеніи. Употребленіе описаній особенно свойственно языку народному, языку былинъ, пѣсенъ и сказокъ; сюда относятся выраженія: *на дымъ пустить* вмѣсто сжечь, *ускокъ давать* вмѣсто скакать, *навести на гнѣвъ* вмѣсто прогнѣвать и т. п. Описательныя выраженія въ этомъ ихъ видѣ малоупотреби-

тельны въ современномъ языкѣ, который, наоборотъ, представленія любитъ переводить въ понятія, т. е. наглядное превращать въ отвлеченное. Впрочемъ сюда могутъ быть отнесены выраженія метонимическія, которыя, какъ было сказано выше, замѣняютъ понятіе однимъ изъ его наглядныхъ признаковъ, напр. у Крылова: *на руку нечистъ* вмѣсто беретъ взятки, *чудесъ палата* вмѣсто множество чудесъ, *лѣзть изъ кожи* вмѣсто употреблять всѣ усилія, *зарубить на стѣнкѣ* вмѣсто хорошенько замѣтить.... и т. п.

§ 78. Въ противоположность описанію употребляется е) *эллипсисъ*: если описаніе удлинняетъ выраженіе для изобразительности, то эллипсисъ, напротивъ, укорачиваетъ его для выразительности. Эта краткость, или сжатость выраженія и составляетъ цѣль и силу эллипсиса. Сущность эллипсиса состоитъ въ опущеніи грамматической связи въ предложеніи. Этотъ оборотъ рѣчи одинаково свойственъ какъ древнему, такъ и современному русскому языку. Въ древнемъ языкѣ мы встрѣчаемъ напр. пословицу: „не дорога камочка — узоръ хитеръ (съ опущеніемъ союза *а*), далѣе, въ одной пѣснѣ поется: „А и въ горѣ жить—не кручинну быть, нагому ходить—не стыдитися“ (съ опущеніемъ союзовъ „хотя — но... если... то“...). Въ современномъ языкѣ, читаемъ у Баратынскаго (на смерть Гёте):

Предстала — и старецъ великій смежилъ
Орлиныя очи въ покоѣ,

У Пушкина въ драмѣ Скупой рыцарь, Альберъ на предложеніе жида отравить стараго барона — говоритъ:

Какъ! отравить отца! и *смѣлъ ты сыну*...
Иванъ, держи его! *И смѣлъ ты мнѣ*...
Да знаешь-ли, жидовская душа,
Собака, змѣй, что я тебя сейчасъ же
На воротахъ повѣшу!

§ 79. Съ тою же цѣлію—усилить выраженіе— употребляется f) *повтореніе* одного и того же слова или выраженія,—такъ

называемый *плеоназмъ*. По значенію своему, онъ нѣсколько подходитъ къ *тавтологіи*, которая составляетъ весьма обыкновенный пріемъ въ древнемъ языкѣ и заключается — или въ повтореніи одного и того же корня въ различныхъ формахъ, напр. *шутку шутить*, *наигрышки наигрывать* —или въ употребленіи различныхъ словъ синонимическаго значенія, напр. *конь-лошадь*, *побиться-подраться* — *поратиться*... Современный плеоназмъ отличается отъ древней тавтологіи тѣмъ, что — или просто повторяетъ одно и тоже реченіе, напр.

Смерть жатву жизни *коситъ*, *коситъ*....
(Кн. Вяземскій).

или же, присоединяетъ, пополняетъ выраженіе такими понятіями, которыя, по общему смыслу, и безъ того очевидны, напр. видѣть *собственными* глазами, слышать *собственными* ушами... Впрочемъ современному языку не чужда иногда и тавтологія, напр. *день-деньской; малъ-мала-меньше*...,

§ 80. Въ числѣ пріемовъ, служащихъ для усиленія выраженія, видное мѣсто занимаетъ g) *гипербола*. Она состоитъ въ намѣренномъ представленіи предмета въ *преувеличенномъ* видѣ. Такими гиперболами въ особенности изобилуетъ языкъ поэтическій, напр. у Гоголя (Тарасъ Бульба): шаровары (Остапа и Андрія) „шириною *въ Черное море*.“ „Воздухъ *былъ наполненъ* тысячью разныхъ свистовъ.“ „*Ничто* въ природѣ не могло быть лучше ихъ“ (степей). У Пушкина: (Скупой рыцарь), слова барона:

Да! Если бы всѣ слезы, кровь и потъ,
Пролитые за все, что здѣсь хранится,
Изъ нѣдръ земныхъ всѣ выступили вдругъ,
То былъ бы вновь *потопъ*—я *захлебнулся-бъ*
Въ моихъ подвалахъ вѣрныхъ....

§ 81. Близкую связь съ гиперболою, по значенію и цѣли, имѣетъ h) *контрастъ* или противоположеніе. Пріемъ этотъ состоитъ въ сопоставленіи предметовъ, свойствъ или дѣйствій между собою противоположныхъ: великаго и малаго, возвы-

шеннаго и унизительнаго, серьознаго и смѣшнаго. Цѣль контраста: *усилить* впечатлѣніе посредствомъ противоположности, такъ какъ противоположность представляетъ самое крайнее различіе между двумя данными. Если цѣлью контраста бываетъ осмѣяніе того, что достойно смѣха, то контрастъ получаетъ значеніе *ироніи*. Прекрасный образецъ контраста, остроумно развитаго въ цѣлую повѣсть, представляетъ разсказъ Бенитцкаго „*Бедуинъ*,“ въ которомъ контрастируютъ между собою два характера—Османа и Бедуина.

Въ романѣ Гончарова *Сонъ Обломова* съ намѣренною подробностію разсказывается исторія праздничнаго пирога, переходящаго съ господскаго стола, съ замѣчательною постепенностію, въ руки Антипа—дворника:

„Пекли исполинскій пирогъ, который сами господа ѣли еще на другой день; на третій и четвертый день остатки поступали въ дѣвичью; пирогъ доживалъ до пятницы, такъ что одинъ совсѣмъ черствый конецъ, безъ всякой начинки, доставался въ видѣ особой милости Антипу, который перекрестясь, съ трескомъ неустрашимо разрушалъ эту любопытную окаменѣлость, наслаждаясь болѣе сознаніемъ, что это господскій пирогъ, нежели самымъ пирогомъ, какъ археологъ, съ наслажденіемъ пьющій дрянное вино изъ черепка какой нибудь тысячелѣтней посуды.“ Контрасты здѣсь во 1) въ подробности разсказа и ничтожности предмета; 2) въ сопоставленіи Антипа съ археологомъ.

§ 82. Пріемъ серьознаго контраста особенно успѣшно употребляется въ рѣчи ораторской, или проповѣднической, въ которой величіе и святость предмета рѣчи возвышается посредствомъ сопоставленія его со всѣмъ тѣмъ, что тщетно стремилось его унизить. Въ словѣ митр. Филарета „*Въ великій пятокъ*“ такъ изображается величіе креста: „крестъ гнѣва преображается въ крестъ любви; крестъ, заграждавшій рай, становится лѣствицею къ небесамъ; крестъ, рожденный отъ страшнаго древа познанія добра и зла, черезъ орошеніе Божественною кровію, перерождается въ древо жизни.“

Въ извѣстномъ Словѣ о полку Игоревѣ прекрасно изображено помощію контрастовъ пораженіе русскихъ при Каялѣ: „ту кроваваго вина не доста; ту пиръ докончаша храбріи Русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Русскую.“

Въ рѣчи Цицерона „О назначеніи Помпея полководцемъ,“ ораторъ, желая возвеличить достоинство Помпея, какъ полководца и человѣка, съ замѣчательнымъ остроуміемъ пользуется для этой цѣли сближеніемъ контрастовъ.

Говоря о сдержанности, какою обладалъ Помпей, сравнительно съ другими полководцами, Цицеронъ говоритъ: „Онъ (т. е. Помпей) не считалъ себя даже въ правѣ *взглянуть* на статуи, картины и прочія украшенія греческихъ городовъ, которыя другіе считаютъ своею обязанностію *похитить*.“ Или далѣе, въ той же рѣчи: „Какъ высоко должны цѣнить его слово *союзники*, когда это слово считали святымъ *непріятели* всевозможныхъ націй! Наконецъ, что касается до его человѣколюбія, то оно такъ велико, что трудно сказать, какое чувство у непріятелей было сильнѣе: *страхъ* ли передъ его храбростію въ битвахъ, или *любовь* къ его кротости послѣ побѣды?“

§ 83. Высшей степени своей художественности языкъ образный вообще достигаетъ въ пѣснопѣніяхъ св. церкви,—что объясняется—какъ высотою самого предмета пѣснопѣнія, такъ и геніемъ составителей.

Приводимъ для разбора немногія изъ множества церковныхъ пѣсней, отличающихся замѣчательною силою изобразительности:

1) *Въ недѣлю Мытаря и Фарисея.*

„Покаянія отверзи ми двери, Жизнодавче, утренюетъ бо духъ мой ко храму святому Твоему, храмъ носяй тѣлесный весь оскверненъ; но яко щедръ, очисти благоутробною Твоею милостію.“

Отмѣтимъ образы: „двери покаянія отверзаются.... духъ утренюетъ.... тѣлесный храмъ.... благоутробная милость....“

2) *Изъ великаго канона.*

„На недвижимомъ, Христе, камени заповѣдей Твоихъ— утверди мое помышленіе.“

Соединеніе *точности* и *образности*: мысль о Богѣ *утверждается* на *недвижимомъ* камнѣ Его заповѣдей!

§ 84. Разсмотрѣнныя до сихъ поръ нами общія свойства рѣчи касались болѣе или менѣе, такъ сказать, *матеріала* или существа рѣчи; т. е. такого выбора и употребленія словъ, при которыхъ рѣчь достигаетъ возможной правильности, ясности, точности, чистоты и выразительности. Теперь остается намъ указать на ту ея форму, при которой рѣчь достигаетъ не только внутренней, но и внѣшней своей стройности, или *благозвучія*. Эта форма рѣчи называется *періодомъ*.

§ 85. Благозвучіе, говоря строго, должно быть свойственно и одному предложенію, какъ объ этомъ и было сказано въ своемъ мѣстѣ (о расположеніи словъ); но особыя условія этого благозвучія, очевидно, должны принадлежать связной рѣчи, т. е. цѣлому ряду предложеній, соединенныхъ единствомъ мысли въ одно цѣлое.

Изъ такого понятія о рѣчи, слѣдуетъ, что основою благозвучія должно служить единство мысли, или — другими словами—что основа періода *логическая*. И такъ—періодъ есть такая форма связной рѣчи, или—говоря грамматически—такая форма сложнаго предложенія, въ которой соединеніе, или расположеніе предложеній соотвѣтствуетъ требованіямъ логическимъ, или требованіямъ мысли, лежащей въ ея основаніи.

Примѣчаніе. Раздѣляютъ періодъ на *простой* и *сложный*, смотря по тому, простое или сложное предложеніе онъ представляетъ. Мы не придерживаемся такого раздѣленія: во 1) потому, что въ простомъ предложеніи не можетъ быть періода, а бываетъ только нѣкоторая періодичность, во 2) потому, что сущность періодичности какъ въ простомъ, такъ и въ сложномъ—одна и таже.

Такимъ образомъ ученіе о періодѣ имѣетъ въ виду двѣ стороны: a) логическую основу періода и b) внѣшнее расположеніе или соединеніе предложеній, согласное съ основою. Съ первой стороны всякій періодъ заключаетъ въ себѣ *выводъ* изъ нѣсколькихъ сужденій, иначе *силлогизмъ*, болѣе или менѣе сокращенный. Напримѣръ Цицеронъ въ рѣчи своей „О назначеніи Помпея полководцемъ“ дѣлаетъ слѣдующій выводъ: 1) имя полководца имѣетъ важное значеніе и при распоряженіи дѣлами войны, и при командованіи войскомъ; 2) имя Помпея пользуется несомнѣнною извѣстностью; 3) слѣдовательно, нужно имѣть это въ виду при назначеніи полководца. Выводъ этотъ Цицеронъ облекъ въ слѣдующую форму періода: „Такъ какъ имя тоже имѣетъ большое значеніе и при распоряженіи дѣлами войны и при командованіи войсками,—то я долженъ сказать, хотя въ этомъ никто не сомнѣвается, что имя этого полководца (Помпея) пользуется большою извѣстностію“. (Христ. Галах. I ч. стр. 393, изд. 1864 г.). Изъ приведеннаго примѣра видно, что все, касающееся логической основы періода, было уже высказано въ главѣ о сужденіяхъ и умозаключеніяхъ. Намъ слѣдуетъ заняться другою его стороною—соединеніемъ, или расположеніемъ предложеній.

§ 86. Сколько различныхъ формъ отношеній между сужденіями,—столько и различныхъ видовъ періода: виды періода соотвѣтствуютъ видамъ сложнаго предложенія. Но прежде чѣмъ перейдемъ къ перечисленію видовъ періода, укажемъ на тотъ *существенный* признакъ, который отличаетъ форму періода отъ формы сложнаго предложенія. Замѣтимъ здѣсь, что слово *существенный* необходимо понимать здѣсь не въ грамматическомъ а въ стилистическомъ, смыслѣ. Сложное предложеніе, для того чтобы сдѣлаться періодомъ, должно необходимо отличаться такъ называемымъ *прозаическимъ рит-*

момъ, т. е. такимъ видомъ благозвучія въ которомъ предложеніе распадается на двѣ, какъ бы паралельныя части; причемъ каждый отдѣлъ 1-й части соотвѣтствуетъ, и по количеству и по качеству, каждому отдѣлу 2-й части. Эти двѣ части періода называютъ: первую—*повышеніемъ*, а вторую—*пониженіемъ* (между ними ставится двоеточіе, или запятая съ тире); отдѣлы каждой части называются *членами* (ихъ отдѣляютъ точкою съ запятой, если они грамматически распространены, или запятой—въ противномъ случаѣ). Затѣмъ—величина, или видимый объемъ періода есть дѣло совершенно второстепенное: періодъ можетъ быть великъ или малъ; но онъ *долженъ* отличаться прозаическимъ ритмомъ; и чѣмъ болѣе онъ отвѣчаетъ указаннымъ условіямъ этого ритма,—тѣмъ онъ совершеннѣе.

Въ примѣръ такого прозаическаго ритма въ періодѣ, возьмемъ слѣдующій (изъ Слова митрополита Филарета—по освященіи храма Явленія Божіей Матери въ Свято-троицкой Сергіевской лаврѣ):

„*Чту* и въ красующихся нынѣ храмахъ твоихъ дѣла святыхъ, обиталище святыни, свидѣтелей праотеческаго и современническаго благочестія; *люблю* чинъ твоихъ богослуженій, и нынѣ съ непосредственнымъ благословеніемъ преподобнаго Сергія совершаемыхъ; съ уваженіемъ *взираю* на твои столпостѣны, не поколебавшіяся и тогда, когда поколебалась было Россія; *знаю*, что и лавра Сергіева и пустыня Сергіева есть одна и та же и тѣмъ же богата сокровищемъ, т. е. Божіею благодатію, которая обитала въ преподобномъ Сергіи, въ его пустынѣ, и еще обитаетъ въ немъ и въ его мощахъ, въ его лаврѣ: *но* при всемъ томъ желалъ бы я узрѣть пустыню, которая обрѣла и стяжала сокровище, наслѣдованное потомъ лаврою."

Въ глаголахъ *чту*, *люблю*, *взираю*, *знаю*,—употребленныхъ ораторомъ въ началѣ каждаго изъ 4-хъ членовъ повышенія, заключается то гармоническое однообразіе, которое здѣсь составляетъ *ритмъ*; затѣмъ каждый изъ этихъ глаголовъ развитъ придаточнымъ предложеніемъ, и эти предложенія видимо пропорціональны между собою—какъ по одинаковому распространенію, такъ и по синтаксическому значенію; наконецъ, сравнительная краткость пониженія (но при всемъ томъ....) прекрасно выражаетъ силу основной мысли.

§ 87. Переходя къ раздѣленію періодовъ на виды, замѣтимъ, что характеръ періода зависитъ отъ отношенія, существующаго между повышеніемъ и пониженіемъ. А такъ какъ это отношеніе обозначается *союзами* (явными или подразумѣваемыми),—то основаніемъ для дѣленія періодовъ на виды должно быть дѣленіе союзовъ по значенію. По значенію же союзы дѣлятся на два отдѣла: для сочиненія и для подчиненія предложеній. Къ *первому* отдѣлу принадлежатъ союзы—соединительные, раздѣлительные, противительные, уступительные и заключительные. Ко *второму*—изъяснительные, сравнительные, винословные и условные. Таковы же и *виды* періодовъ:

1. Періодъ соединительный.

Онъ (т. е. Германикъ) шелъ исполнить свой долгъ, долгъ вождя римскихъ легіоновъ, который обязанъ былъ побороть всѣми силами враговъ имперіи,—и по мѣрѣ того, какъ возрастала опасность вокругъ него, въ немъ самомъ зрѣла новая мысль о прекрасномъ подвигѣ, которая, нисколько не роняя его достоинства, какъ римскаго патріота, еще болѣе говоритъ въ пользу его, какъ человѣка. (Кудрявцева, Германикъ и Агриппина Старшая).

Двѣ мысли находятся между собою въ отношеніи параллелизма: мысль о прекрасномъ подвигѣ въ душѣ Германика—рядомъ съ его понятіемъ о долгѣ.

2. Періодъ раздѣлительный.

(Онъ т. е. Наполеонъ) началъ брань не такъ, какъ государь, который, не могши убѣжденіемъ расположить другаго монарха или народъ къ справедливымъ, по его мнѣнію, пользамъ своей державы, торжественно возвѣщаетъ ему и другимъ, что употребитъ данную ему Провидѣніемъ силу для достиженія своей цѣли: онъ началъ брань—или какъ нѣкій богъ браней, который никому не обязанъ открывать своихъ предопредѣленій,—или какъ нѣкій крамольникъ, внезапнымъ возстаніемъ поспѣшающій предупредить казнь, которой чувствуетъ себя достойнымъ. (Изъ Разсужд. митр. Филарета о нравств. причинахъ неимовѣрныхъ успѣховъ нашихъ въ войнѣ 1812 г.)

Главныя части періода относятся между собою, какъ *отрицаніе* одной мысли къ *утвержденію* другой, ей противоположной. Эта вторая мысль, въ свою очередь, состоитъ изъ двухъ *противоположеній* (богъ браней и крамольникъ); чѣмъ и вызывается необходимость раздѣлительнаго союза *или*.

3. Періодъ противительный.

Знаю, что битвы нашего междоусобія, гремящія безъ умолку въ пространствѣ пяти вѣковъ, маловажны для разума; что сей предметъ не богатъ ни мыслями для прагматика, ни красотами для живописца: но исторія не романъ, и міръ не садъ, гдѣ все должно быть пріятно: она изображаетъ дѣйствительный міръ. (Изъ Предисл. къ И. Г. Р., Карамзина).

4. Періодъ уступительный.

Есть, конечно, нѣкоторые мыслители, которые, проникнувъ въ самый смыслъ науки, думаютъ, что пора и нашему мышленію освободиться; что пора намъ рабствовать только истинѣ, а не авторитету западной личности, и черпать не только изъ прежнихъ или современныхъ школъ, но и изъ того сокровища разума, которое Богъ положилъ въ нашемъ чувствѣ и смыслѣ, какъ и во всякомъ смыслѣ и чувствѣ человѣческомъ: но безспорно большинство нашихъ просвѣщенныхъ людей въ Россіи и особенно служителей науки находитъ до сихъ поръ, что приличіе, скромность и, вѣроятно, умственное спокойствіе повелѣваютъ намъ принимать только готовые выводы, не пускаясь еще въ темную и страшную глубину аналитическихъ вопросовъ. (Хомякова: Объ истин. просвѣщ. народа).

Формы періодовъ этого вида обыкновенно допускаютъ взаимное замѣщеніе. т. е. форма противительная легко переходитъ въ уступительную, и наоборотъ. Возможность замѣщенія объясняется тѣмъ, что какъ въ той, такъ и въ другой формѣ періода, въ основѣ необходимо лежитъ *противоположеніе*, выраженное только съ большею или меньшею рѣзкостію. Потому данные періоды могутъ быть превращены слѣдующимъ образомъ.

3) Хотя я знаю, что битвы нашего междоусобія...... однако исторія не романъ и проч.

4) Нѣкоторые мыслители, проникнувъ въ самый смыслъ науки, думаютъ..,.... но большинство нашихъ просвѣщенныхъ людей въ Россіи..... и проч.

5. Періодъ заключительный.

Вникая въ составъ наукъ, легко замѣтить, что каждая изъ нихъ есть система понятій о какомъ-либо предметѣ;—посему для возможности каждой науки необходимы три условія: предметъ, или понимаемое; разумѣніе, или понимающее; содержаніе, или понятія. (Павлова, о различіи между изящными искусствами и науками).

Форма періода, допускающая превращеніе въ *винословную* напр. „Для возможности каждой науки необходимы три условія . . . . ибо, вникая въ составъ наукъ, легко замѣтить.... и проч.

6. Періодъ изъяснительный.

Когда среди мира, долженствовавшаго сохранить Европѣ остатокъ ея свободы, Франція разрушала престолы, поглощала города, подавляла слабыхъ союзниковъ; когда войска, толико нужныя на югѣ, не оставляли сѣвера, но еще часъ отъ часу въ большемъ числѣ, подобно тучамъ, неслись туда же изъ порабощенныхъ царствъ: для кого могли быть загадкою намѣренія властолюбивой державы? (Филаретъ, разсужд. о причинахъ неимовѣрныхъ успѣховъ нашихъ въ войнѣ 1812 г.)

Форма періода можетъ перейти въ *условную*, потому что послѣдовательность во *времени* (когда.... тогда) часто заключаетъ въ себѣ послѣдовательность *внутреннюю*: post hoc-propter hoc; напр. „Если среди мира, долженствовавшаго сохранить Европѣ остатокъ ея свободы, Франція разрушала престолы . . . .
то намѣренія властолюбивой державы ни для кого не могли быть загадкою.“

7. Періодъ сравнительный.

По мѣрѣ того, какъ высшіе слои общества, отрываясь отъ условій историческаго развитія, погружались все болѣе и болѣе въ образованность, истекающую изъ иноземнаго начала; по мѣрѣ того, какъ ихъ отторженіе становилось все рѣзче и рѣзче: умственная дѣятельность слабѣла и въ низшихъ слояхъ. (Хомяковъ, объ истин. просвѣщ. народа).

Цѣль періода—показать *обратное* отношеніе высшихъ слоевъ общества къ низшимъ, при извѣстныхъ условіяхъ; причемъ взаимная зависимость между сословіями только подразумѣвается. Если же зависимость эту сдѣлать очевидною, то форма періода удобно могла бы превратиться въ причинную; напр. „*Такъ какъ* высшіе слои общества, отрываясь отъ условій историческаго развитія . . . .
то умственная дѣятельность слабѣла и въ низшихъ слояхъ“.

8. Періодъ винословный.

Ежели показанія ихъ (писателей) вѣрны, впечатлѣніе, вами полученное, будетъ непремѣнно нравственно: ибо зрѣлище дѣйствительной жизни, развитіе прекрасныхъ и безобразныхъ страстей, дозволенное въ ней Провидѣніемъ, конечно, не развратительно; и міръ дѣйствительный никого еще не заставилъ воскликнуть: какъ прекрасенъ порокъ! какъ отвратительна добродѣтель! (Баратынскій, о нравствен. цѣли литер. произведеній).

Данный періодъ ясно заключаетъ въ себѣ силлогизмъ, а именно: если вторая половина періода сдѣлается большею посылкою, а условное предложеніе 1-й половины—меньшой,—то главное предложеніе 1-й половины будетъ умозаключеніемъ:

1) *б. п.* Зрѣлище дѣйствительной жизни не развратительно.
2) *м. п.* Показанія писателей вѣрно воспроизводятъ дѣйствительную жизнь.
3) *заключ.* Слѣд. впечатлѣніе, получаемое отъ ихъ показаній, будетъ непремѣнно нравственно.

(Подразумѣвается: что не развратительно, то нравственно).

9. Періодъ условный.

Если вы хотите провести нѣсколько минутъ, истинно блаженныхъ; если хотите испытать этотъ неизъяснимо сладостный покой души, который выше всѣхъ земныхъ наслажденій: ступайте въ лунную лѣтнюю ночь полюбоваться нашимъ

Кремлемъ; сядьте на одну изъ скамеекъ тротуара, который идетъ по самой закраинѣ холма; забудьте на нѣсколько времени и шумный свѣтъ съ его безуміемъ, и всѣ ваши житейскія заботы и дѣла, и дайте хоть разъ вздохнуть свободно бѣдной душѣ вашей, измученной и усталой отъ всѣхъ земныхъ тревогъ. (Загоскинъ, Кремль при лунномъ свѣтѣ)

§ 88. Само собою разумѣется, что союзы, которыми въ приведенныхъ образцахъ связаны главныя части періода,—не составляютъ единственно-возможныхъ: одни союзы замѣняются другими—соотвѣтствующими; или-же вовсе опускаются, и въ такомъ случаѣ союзная связь подразумѣвается.

§ 89. Рѣчь, противоположная періодической, называется *отрывистою.* Различіе между тою и другою формою рѣчи—чисто формальное: въ независимыхъ, сравнительно краткихъ предложеніяхъ рѣчи отрывистой всегда можно подразумѣвать союзы, соотвѣтствующіе внутренней связи предложеній. Поэтому—отрывистая рѣчь всегда можетъ быть превращена въ періодическую, и обратно. Превосходные образцы отрывистой рѣчи мы имѣемъ въ сочиненіяхъ Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, С. Аксакова, Л. Толстаго и другихъ современныхъ писателей. Но хотя происхожденіе періодической рѣчи въ исторіи нашего языка и искусственно (образцы ея, встрѣчающіеся въ XVII в., окончательно введены въ нашу книжную рѣчь Ломоносовымъ, а усовершенствованы Карамзинымъ и Жуковскимъ)—тѣмъ не менѣе достоинство и необходимость періода въ нашемъ языкѣ—должны быть очевидны для всякаго: *форма періода* наиболѣе отвѣчаетъ тому періоду въ развитіи литературы, когда умственные, теоретическіе вопросы науки получаютъ въ жизни народа самостоятельное, преобладающее значеніе. Единство, послѣдовательность, внутренняя связь и законченность нашего мышленія—не имѣютъ инаго, лучшаго способа выраженія въ языкѣ; и искусственное пріобрѣтеніе въ языкѣ, какъ и въ жизни, начинаясь подражаніемъ, заимствованіемъ,—мало-по-малу, силою обстоятельствъ, дѣлается его естественною, существенною принадлежностію. Таковы въ короткихъ словахъ—исторія и значеніе періода въ исторіи русской литературы.

ПРИБАВЛЕНІЕ.

Краткое стихосложеніе.

§ 90. Существенное отличіе *стиха* отъ прозы заключается въ опредѣленномъ размѣрѣ, ритмѣ, — состоящемъ или а) въ соблюденіи извѣстной послѣдовательности слоговъ долгихъ и короткихъ (стихосложеніе *метрическое*); или b) въ соблюденіи одинаковаго количества слоговъ (стихосложеніе *силлабическое*); или с) въ соблюденіи одинаковаго ударенія, т. е. повышенія голоса надъ слогомъ (стихослож. *тоническое*). Первый видъ стихосложенія свойственъ языкамъ, имѣющимъ гласные долгіе и короткіе, напр. греческому и латинскому; второй видъ—языкамъ, отличающимся постоянствомъ ударенія, напр. польскому и французскому; наконецъ, третій видъ—языкамъ, имѣющимъ разнообразное удареніе, напр. нѣмецкому и русскому.

§ 91. Хотя въ старину и были попытки усвоить нашему языку первые два вида стихосложенія (Мелетій Смотрицкій пытался писать метрическимъ размѣромъ, Кантемиръ, Ломоносовъ—силлабическимъ), — но оба размѣра, какъ несвойственные нашему языку, давно оставлены, и еще Ломоносовъ, въ 1739 году, прислалъ изъ-за границы Оду на взятіе Хотина, написанную тоническимъ размѣромъ. Чтобы нагляднѣе показать, въ чемъ состоитъ тоническій размѣръ, приводимъ нѣсколько строкъ изъ сказанной оды Ломоносова:

Крутѝтъ рѣкà татàрску крòвь,
Что прòтекàла мѐжду нѝми;
Не смѣ̀я въ бòй пустѝться внòвь,
Мѣ̀стàми врàгъ бѣ̀жѝтъ пусты̀ми...

Поставленные знаки показываютъ, на какой слогъ извѣстнаго слова должно падать удареніе. Если мы обратимъ вниманіе на эти стихи, то замѣтимъ:

а) что въ каждой строчкѣ число удареній опредѣлено именно 4, b) что ударенія расположены въ искусственномъ порядкѣ, именно—оно падаетъ черезъ одинъ слогъ, такъ что изъ двухъ слоговъ, стоящихъ рядомъ, 1-й остается безъ ударенія, а 2-й его принимаетъ, такъ напр. въ 1-й строкѣ: кру-ти̇тъ рѣ-ка̇ та-та̇р-ску—кро̇вь.

Такая искусственность и однообразіе, какъ въ количествѣ, такъ и въ распредѣленіи удареній, составляетъ то, что называется тоническимъ размѣромъ.

§ 92. Основою размѣра служитъ стопа; т. е. нѣсколько слоговъ, соединенныхъ удареніемъ въ одно цѣлое, напр. рѣка̇...... тата̇р.

Слогъ стопы, стоящій подъ удареніемъ, называется *высокимъ*, безъ ударенія—*низкимъ*.

§ 93. Стопы приняты у насъ *двусложныя* и *трехсложныя*; смотря по мѣсту, занимаемому удареніемъ, всѣ стопы раздѣляются на слѣдующіе виды:

а) двусложная стопа—съ удареніемъ на первомъ слогѣ-хорей, напр. рѣ̇ки.

b) двусложн. стопа съ удареніемъ на другомъ слогѣ (ямбъ), напр. рѣка̇.

с) трехсложн. стопа съ удареніемъ на 1 слогѣ-дактиль, напр. стѣ̇лется.

d) трехсложная—съ удареніемъ на 2 слогѣ-амфибрахій, напр. карти̇на.

е) трехсложная—съ удареніемъ на 3 слогѣ-анапестъ, напр. соловѣ̇й.

§ 94. Соединеніе нѣсколькихъ стопъ, отъ одной до шести, въ одну строчку—образуетъ *стихъ*; причемъ число стопъ

составляетъ въ стихахъ такъ называемое *количество*, а видъ стопъ, т. е. расположеніе ударенія,—образуетъ ихъ *качество*. Такимъ образомъ стихи, по количеству, могутъ быть: *одностопные*, *двустопные*, *пятистопные* и т. д. По качеству—*ямбическіе*, *дактилическіе*, и т. д.

§ 95. Стихи, въ соединеніи своемъ, могутъ быть и *однородны*, и *разнородны*, — притомъ какъ по количеству стопъ, такъ и по качеству ихъ; напр. хорей можетъ соединяться съ дактилемъ, ямбъ съ анапестомъ; но большею частію стихи бываютъ однородны. Приведемъ примѣры всѣхъ употребительнѣйшихъ въ нашей поэзіи размѣровъ:

а) хореическіе.

Ка̇къ-то | ра̇зъ, пе|рѣ̇дъ тол|по̇ю
Со̇пле|мѐнныхъ | го̇ръ,
У Каз|бѐка | съ Ша̇тъ-го|ро̇ю
Бы̇лъ ве|ли̇кій | спо̇ръ.

1 и 3 стихи—четырехстопные, а 2 и 4 трехстопные.

b) ямбическіе.

Пока̇ | не трѐ|буѐтъ | поэ̇та
Къ свящѐ|нной жѐр|твѣ А|полло̇нъ,
Въ забо̇|тахъ су̇|етна̇|го свѣ̇та
Онъ ма̇|лоду̇ш|но по̇|гружѐнъ.

По количеству стихи—четырехстопные; по качеству—ямбическіе разнородные, такъ какъ послѣдняя стопы 1 и 3 стиха—образуютъ амфибрахій.

с) дактилическіе.

Бы̇ли и | лѣ̇то и | о̇сень дожд|ли̇вы;
Бы̇ли по|то̇плены | па̇жити; | ни̇вы;

Хлѣбъ на по|ляхъ не соз рѣлъ и про|палъ;
Сдѣлался | голодъ на|родъ уми|ралъ.

Стихи—четырехстопные по количеству; дактилическіе разнородные — по качеству: 4-я стопа въ 1 и 2 стихѣ есть хорей.

д) амфибрахическіе.

Прямая | дорога, | большая | дорога!
Просто́ру | не мало | взяла ты | у Бога.

Стихи—четырехстопные по количеству; по качеству — амфибрахич. однородные.

е) анапестическіе.

Что ты спишь, | мужичёкъ?
Вѣдь весна | на дворѣ,
Вѣдь сосѣ|ди твой
Работа|ютъ давно.

Двухстопные, анапестическіе однородные.

§ 96. Мы указали въ предъидущихъ §§-хъ на размѣры употребительнѣйшіе; но разнообразіе нашихъ стиховъ не исчерпывается указанными видами стихосложенія. Сверхъ размѣровъ, приведенныхъ выше, укажемъ еще на два замѣчательные размѣра, которые по преимуществу могутъ быть названы героическими, такъ какъ они употреблялись для передачи древнихъ героическихъ поэмъ; это во 1) такъ называемый ***гекзаметръ***, или шестистопный дактило-хореическій стихъ, напр.

Гнѣвъ, о бо|гиня, вос|пой Ахил|лѣса, Пе|лѣева | сына!

во 2) ***александрійскій***, или шестистопный ямбическій стихъ, напр.

Поэтъ! | не до|рожи | любо|вію | народной:

Востор|женныхъ | похвалъ | пройдетъ | минут|-
ный шумъ.

Послѣдняя стопа 1 стиха—амфибрахій.

§ 97. Не необходимую, но весьма обыкновенную принадлежность стиховъ составляетъ ***риѳма***, т. е. созвучіе окончаній, основанное на произношеніи, а не написьмѣ, напр. риѳмуютъ между собою: ***вершины — долины***, ***дорога — немного***, ***нищій— пищи*** и т. п.

Если риѳмующія окончанія имѣютъ удареніе на послѣднемъ слогѣ, риѳма называется *мужскою*; если на предпослѣднемъ,—*женскою*; если на 3 слогѣ отъ конца,—*дактилическою*. Напр. *мужская риѳма*:

Сижу за рѣшеткой въ темницѣ сырой.
Вскормленный въ неволѣ орелъ молодой,
Мой грустный товарищъ, махая крыломъ,
Кровавую пищу клюетъ подъ окномъ.

женская: Но у епископа милостью нѣба
Полны амбары огромные хлѣба.

дактилическая: Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника, въ свѣтѣ безроднаго:
Но я вручить хочу дѣву невинную
Теплой Заступницѣ міра холоднаго.

Примѣч. 1. Весьма часто риѳмы чередуются между собою напр.

Птичка Божія не знаетъ—(женск.)
Ни заботы, ни труда; (мужск.)
Хлопотливо не свиваетъ (женск.)
Долговѣчнаго гнѣзда (мужск.)

Примѣч. 2. Стихи не риѳмованные называются *бѣлыми*, напр.

На островѣ невскомъ, омытомъ рѣкою и моремъ,
Подъ кущей одною два рыбаря жили, пришельцы;

Одинъ — престарѣлый, другой лишь брадой опушался.
Гонимые нуждой изъ милаго края роднаго,
На промыслъ товарищи вмѣстѣ пришли на чужбину.

§ **98**. Если вмѣстѣ съ окончаніемъ слова кончается и стопа, то происходитъ такъ называемое пресѣченіе, или *цезура*. Мѣсто ея въ нашихъ стихотвореніяхъ очень разнообразно: въ 6-стопныхъ стихахъ она дѣлается послѣ **3**-й стопы, напр.

Предстатель за царей ‖ народъ у Провидѣнья,
О, наши къ небесамъ ‖ дойдутъ благословенья:
Повѣрь народу, царь, ‖ имъ будешь счастливъ Ты!

Въ стихахъ 5-стопныхъ цезура встрѣчается и послѣ 2-й, и послѣ 3-й стопы; встрѣчается иногда и послѣ 1-й, напр.

И казнь | лукавый обольститель мой
Ужъ мнѣ готовитъ въ адской злобѣ.

Не смотря на такое разнообразіе цезуры, цѣль ея одна: облегчить благозвучіе въ произношеніи многостопныхъ стиховъ.

§ **99**. Стихи народные измѣряются не стопами, а числомъ *удареній*, такъ какъ они чужды той искусственности, которая, по историческимъ обстоятельствамъ, выпала на долю стиховъ литературныхъ. По числу удареній, народные стихи представляются съ однимъ, двумя и тремя удареніями, напр.

Не бу̀йные вѣ̀тры
Навѣ̀яли:
Незва̀ны го̀сти
Наѣ̀хали.
Подломѝли
Сѣ̀ни но̀выя,
Подломѝли
Съ перехо̀дами.

} Въ одно и два ударенія.

Въ три ударенія:

Не былѝнушка въ чистомъ по̀лѣ зашата̀лася:
Зашата̀лася безпріютная голо̀вушка!

Впрочемъ дѣленіе народныхъ стиховъ по удареніямъ не можетъ быть признано точнымъ, потому что въ основаніи такого дѣленія лежитъ все-таки искусственная строчка литературнаго стиха. У народа, который пѣсни свои составляетъ не для книжекъ, а для пѣнія, — истинное сложеніе стиховъ должно быть приведено въ связь съ музыкою.

КОНЕЦЪ.